

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

2/2021

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Красноносков**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 4 от 28.05.2021 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 2/2021

СОДЕРЖАНИЕ

Дербишева О. А., Степанова В. О. Договор дарения: теоретические и практические аспекты проблемы	3
Ефремова А. В., Авдеева О. Р. К вопросу о самостоятельности института исполнительного производства	11
Загуменная А. И. Характеристика договора пожизненного содержания с иждивением в зарубежных странах	17
Загуменный К. И. Сравнительно-правовой анализ института совместного завещания супругов	24
Карпенко Л. К., Бондарь Н. А. Клонирование: теоретико-прикладной аспект	30
Карпенко Л. К., Вировец О. Ю. Цели уголовного наказания: теоретико-правовой аспект	36
Карпенко Л. К., Кривоносова Я. Е. Уголовно-правовой анализ преступлений в сфере незаконного изъятия органов или тканей человека по законодательству Донецкой Народной Республики	42
Карпенко Л. К., Нерובה Л. Р. Отграничение насильственных действий сексуального характера от изнасилования в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики и стран Европы (сравнительно-правовой аспект)	49
Манивлец Э. Е., Махортов С. П. Перспектива внедрения закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» в законодательство Донецкой Народной Республики	55
Одегова Л. Ю., Рудь Ю. А. История развития международно-правовой защиты ребенка как института международного права	62
Поляков В. Ю., Московский В. В. Преступления против отправления правосудия в практике международного уголовного суда	68
Тимошенко Н. И., Гокунь Ю. С. Мотивация и роль несовершеннолетних в бесконтактном сбыте наркотиков	75
Тимошенко Н. А., Кулик И. С. Антикоррупционная профилактика как элемент противодействия коррупции	80
Хоруженко К. А. Реализация прав граждан на информацию	85
Шумаев Д. Г., Овинникова Р. В. Тактика допроса эксперта и специалиста в период досудебного расследования	93
Правила для авторов	103

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 2/2021

CONTENTS

<i>Derbisheva O., Stepanova V.</i> Gift contract: theoretical and practical aspects of the problem	3
<i>Efremova A., Avdeeva O.</i> On the question of the independence of the institute of executive production	11
<i>Zagumennaya A.</i> Characteristic of a life long care contract in foreign countries	17
<i>Zagumennyi K.</i> Comparative legal analysis of the institution of joint will of spouses	24
<i>Karpenko L., Bondar N.</i> Cloning: theoretical-application aspect.....	30
<i>Karpenko L., Virovets O.</i> Objectives of criminal punishment: theoretical and legal aspect	36
<i>Karpenko L., Krivonosova Ya.</i> Criminal-legal analysis of crimes in the field of illegal removal of human organs or tissues under the legislation of the Donetsk People's Republic	42
<i>Karpenko L., Nerobova L.</i> Distinguishing sexual violence from rape in the criminal legislation of the Donetsk People's Republic and European countries (comparative legal aspect)	49
<i>Manivlets E., Makhorov S.</i> The prospect of introducing the law «On digital financial assets, digital currency» into the legislation of the Donetsk People's Republic	55
<i>Odegova L., Rud' Yu.</i> History of development of international legal protection of a child as an institute of international law	62
<i>Polyakov V., Moskovsky V.</i> The role of crimes against the administration of international criminal justice in the work of the International Criminal Court	68
<i>Timoshenko N., Gokun Ju.</i> Motivation and role of minors and youth in contactless sales of drugs	75
<i>Timoshenko N., Kulik I.</i> Anti-corruption prevention as an element of counteraction for corruption	80
<i>Khoruzhenko C.</i> Realization of citizens' rights to information	85
<i>Shumaev D., Ovinnikova R.</i> Interrogation tactics of expert and specialist during pre-trial investigation period	93
Guidelines for authors	103

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье осуществлено исследование характерных признаков, содержания и оснований прекращения договора дарения по Гражданскому кодексу Донецкой Народной Республики. Проанализирована правовая природа договора дарения, условия формирования его в римском частном праве и современном гражданском законодательстве ДНР. Рассмотрена специфика заключения, исполнения и прекращения договора дарения. Также выделены специальные основания отказа одаряемого от договора дарения. Рассмотрена такая специальная форма дарения как благотворительность, сущность и характерные особенности.

Ключевые слова: договор дарения, даритель, одаряемый, государственная регистрация, отмена дарения.

В статье рассматриваются теоретические аспекты договора дарения, его сущность, характерные особенности и проблематика реализации договора дарения на современном этапе развития общества. Данный договор широко распространен и актуален на современном этапе развития правового государства.

Данное направление изучали такие ученые: Т. В. Богачук, И. Ф. Дедюхина, О. Ф. Смирнова, Е. С. Егорова, А. О. Морозова и другие.

Главная цель договора дарения обусловлена передачей вещи в дар. Договор дарения может быть заключенным с момента передачи имущества одаряемому или с момента достижения согласия по всем существенным условиям договора в предусмотренной законом форме.

Исследования договора дарения и практическая значимость его в повседневных отношениях в обществе обуславливают теоретическую и практическую значимость анализа правового регулирования договора дарения по современному гражданскому законодательству Донецкой Народной Республики (далее ДНР). Договор дарения является одним из давних договоров в гражданском праве. Сформировался еще в римском частном праве как неформальное соглашение (*pactum donationis*) [1, с. 30]. Еще тогда главным основанием имущественных прав провозглашалось то, что «лицо передает второй стороне любой предмет из своей собственности. Это могло быть реализовано в разных формах: посредством передачи собственности, в частности выплаты суммы в виде сервитута и других прав, отличительным случаем было обещание подарить что-то» [2, с. 76].

Договор дарения не входил ни в одну из четырех групп классических римских контрактов, а потому не имел исковой защиты [3, с. 56].

На современном этапе в соответствии с п. 1 ст. 681 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) по договору дарения, одна сторона

безвозмездно передает или обязуется передать второй стороне некую вещь в собственность или право собственности на данную вещь – требование к себе или к третьему лицу, либо освобождает или же обязуется освободить его от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [4].

Существенные признаки, на основании которых можно рассматривать договор дарения в качестве самостоятельного вида договора, являются следующими: во-первых, характерной особенностью договора дарения есть его безвозмездный характер. Таковым является тот договор, по которому кредитор не получает от должника имущественного или неимущественного встречного удовлетворения своего интереса [5, с. 30].

Наличие имущественного или неимущественного интереса у кредитора по безвозмездному договору непосредственно не влияет на его безвозмездность [6, с. 138].

По договору дарения могут передаваться в собственность одаряемого вещи, деньги, ценные бумаги. Денежные средства в валюте ДНР или иностранной валюте также могут быть подарком. Предметом договора дарения могут быть имущественные права [7, с. 159]. В случае договоренности сторон обязательства о его прекращении путем заключения договора дарения получается, что прощение долга требует согласия на это должника [8, с. 68]. На отношения дарения распространяются общие правила относительно объема дееспособности физических лиц в гражданских отношениях. Одаряемым может быть любое физическое лицо независимо от объема дееспособности. Юридическое лицо способно иметь такие же гражданские права и обязанности (гражданскую правоспособность), как и физическое лицо [9].

Действующим Гражданским законодательством ДНР предусмотрены ограничения для определенных лиц быть дарителями. Следовательно, опекун не может осуществлять дарение от имени подопечного [10, с. 191].

В устной форме заключаются договоры дарения вещей личного пользования и бытового назначения. Критерием отнесения предметов к указанной категории является цель их использования (личное или бытовое) [11, с. 180]. Особый порядок гражданским законодательством также предусмотрен относительно договора дарения недвижимых вещей [12, с. 79].

Определенными особенностями обусловлена передача в дар имущественного права. Специальное требование относительно формы сделки установлено для дарения валютных ценностей в размере, который превышает пятидесятикратный размер необлагаемого минимума доходов граждан. Договоры дарения, превышающие указанный размер, заключаются в письменной форме с обязательным нотариальным удостоверением. Однако указанная норма закона не имеет практического применения [13, с. 62].

К передаче имущества приравнивается вручение коносамента или иного товарно-распорядительного документа на имущество. Следовательно, по консенсуальному договору дарения обязанности возлагаются на дарителя.

В частности он должен сообщить одаряемому обо всех известных ему недостатках дара, которые могут нанести вред жизни, здоровью и имуществу одаряемого или других лиц. Однако, предметом договора может быть и вещь с

дефектами, если одаряемый о них знает и готов принять в подарок. В таком случае даритель не отвечает за вред, причиненный даром другим лицам [14, с. 166].

Договором дарения может быть установлена обязанность одаряемого совершить определенные действия имущественного характера в пользу третьего лица или воздержаться от его совершения (например, передать денежную сумму или иное имущество в собственность, выплачивать денежную ренту, предоставить право пожизненного пользования подарком или его частью, не предъявлять требований к третьему лицу о выселении и т. п.). Этот перечень нельзя считать исчерпывающим [15, с. 191].

Субъективное право требовать исполнения обязанности должен даритель. Но в случае смерти последнего или признания его умершим, безвестно отсутствующим или недееспособным право требования исполнения обязанности переходит к лицу, в пользу которого установлена обязанность. Итак, смерть дарителя не прекращает в комментируемом случае гражданско-правовое обязательство совершить определенные имущественные действия или воздержаться от них [16, с. 29].

Законодательством также предусматриваются основания расторжения договора дарения по требованию дарителя в случае совершения одаряемым действий, которые являются не только противоправными, но и аморальными в отношении лица дарителя [17, с. 12].

Кроме того, в случае нарушения одаряемым обязанности в пользу третьего лица даритель вправе требовать расторжения договора и возврата дара, а если такой возврат невозможен, – возмещение его стоимости. К требованиям о расторжении договора дарения применяется исковая давность в один год. Течение исковой давности начинается со дня, когда даритель узнал или должен был узнать об обстоятельствах. Договор дарения может быть заключенным как по реальной (с момента передачи имущества одаряемому), так и по консенсуальной модели (с момента достижения согласия по всем существенным условиям договора в предусмотренной законом форме). Предметом договора дарения могут быть не только вещи, но и имущественные права. Положения ГК ДНР не являются взвешенными, поскольку вещью в соответствии с ГК ДНР есть предмет материального мира. Имущественные права не имеют материальной субстанции, поэтому не могут быть отнесены к категории вещей в соответствии с ГК ДНР, а являются видом имущества. Поэтому, они могут быть не потребительным имуществом, но не вещью. Подарить можно такие вещные права на чужие вещи, как, например, суперфиций и эфитевзис [18, с. 98].

По мнению Е. П. Олифиренко, «договор дарения – это договор, согласно которому одна сторона даритель сознательно предоставляет бесплатные имущественные льготы за свой счет другой стороне – одаряемому с согласия последней» [19, с. 240].

Классический подход к рассмотрению понятия договора дарения предполагает выделение таких основных черт (признаков) договора дарения, как: безвозмездность, увеличение имущества одаряемого за счет уменьшения имущества дарителя, наличие у дарителя намерения одарить, согласие одаряемого на получение дара. Так, как отмечает А. П. Сергеев, «дарение – есть предоставление, посредством которого одно

лицо (даритель) из своего имущества обогащает другое лицо (одаряемого) и которое по воле обеих сторон совершается безвозмездно» [20, с. 130].

Как справедливо отмечает А. Л. Шиловская, С. Ю. Стародумова, «при переходе одаряемым вещь или право собственности к одаряемому либо освобождении его от обязанности размер имущества одаряемого увеличивается. В случае освобождения от обязанности часть имущества одаряемого, составляющая его обязательства уменьшаются, что эквивалентно увеличению активов последнего. Рассматриваемая характеристика служит критерием для разграничения договора дарения от других свободных договоров» [21, с. 96].

Как отмечает К.А. Васильева, «в понимании договора дарения, именно за счет уменьшения имущества дарителя должно увеличиваться имущество одаряемого. Эта особенность является построением прямо пропорциональной зависимости между изменением имущественного статуса участников в гражданско-правовые отношения. Функция направлена на отграничение договора дарения от других договоров, выполнение которых предполагает увеличение активов одного лица, но не за счет уменьшения активов другого лица, оказывающего услугу» [22, с. 153].

Необходимо отметить, что, в отличие от ряда гражданско-правовых договоров, известных национальному гражданскому праву, нормы о договоре дарения не предусматривают наличие общих норм и выделение в структуре закона положений об отдельных видах договора дарения. Тем не менее, в науке и на практике приводится и признается классификация договоров дарения, в основу которой положены не конкретный из возможных классификационных критериев (особенность предмета, субъектный состав, требования к форме и т.п.), а наличие набора квалифицирующих признаков, свидетельствующих об особенностях этих видов договора дарения, требующих специального правового регулирования. Иные классификации приводятся крайне редко, но заслуживают внимания [23, с. 138].

Классический подход предусматривает признание того факта, что современное российское право различает следующие виды договора дарения: договор дарения, заключаемый (совершаемый) путем передачи имущества одаряемому; договор обещания дарения; договор пожертвования.

Было высказано различное мнение цивилистов о необходимости одаряемого согласия на дар. Граве К. А. полагал, что было необходимо «подходить с большой осторожностью к вопросу о возможности взять на себя согласие одаряемого принять дар и требовать согласия от него» [24, с. 79].

Следует обратить внимание на недопустимость заключения договора дарения, которое предусматривает передачу дара после смерти дарителя (п. 3 ст. 681 ГК ДНР). Также действующим законодательством не допускается государственная регистрация договора дарения одаряемого после смерти дарителя, даже в случае нотариально заверенного договора. Необходимо согласиться с мнением М. В. Телюкиной которая считает: «Чтобы быть включенным в наследство, имущественные права должны возникнуть именно при жизни наследодателя...» [25, с. 28].

Необходимо отметить, что договор дарения также может содержать в себе непосредственно отменительные либо отлагательные условия. Поскольку ГК ДНР не устанавливает каких-либо ограничений, связывая их с характером сделки, она

распространяется и на данное правоотношение. Однако, такое заключение сделки под условием допустимо лишь для консенсуальной модели, т.к. там действия дарителя по передаче определено предмета исходит непосредственно из ранее возникшей обязанности [26, с. 89].

Малеина М.Н. утверждает: «Интересы дарителя должны охраняться еще на стадии предъявления им требования об отмене дарения». Она предлагает включить в ст. 687 ГК ДНР меры правового характера – возвращение поступлений от вещи с момента предъявления об отмене дара [27, с. 35].

Таким образом, к характерным признакам договора дарения относятся: безвозмездность сделки, действия или намерение сторон (передать и принять подарок), прямые пропорциональная зависимость между изменением размера имущества дарителя и одаряемый. В системе гражданско-правовых договоров под договором дарения понимается к отдельному виду договорных обязательств в связи с существованием некоторые характерные черты, которые квалифицируют его в этом качестве. Основным квалификационным признаком договора дарения, отличающим его от основного числа гражданско-правовых договоров, является его безвозмездность [28, с. 152].

Сущность отмены дарения проявляется в аннулировании самим дарителем или же судом договора, который влечет за собой последствия юридического характера. Во-первых, после отмены дарения возникает обязательство у одаряемого возвратить в натуре объект дарения или же возместить реальную его стоимость. Во-вторых, все требования дарителя могут быть направлены лишь в отношении одаряемого. То есть, если одаряемый передал вещь третьему лицу, то даритель не вправе предъявлять к этому третьему лицу каких-либо требований. Последствием отмены дарения является возникновение у одаряемого определенного обязательства [29, с. 166].

К их числу можно отнести следующие обстоятельства: в случае, если дарение было совершено вопреки запрету или ограничению; если целью дарения было уменьшение объема имущества, на которое может быть обращено взыскание при банкротстве; если не было получено согласие участников общества на дарение доли в уставном капитале юридического лица; если договор дарения был заключен на основании ничтожной доверенности, в которой не указаны одаряемое лицо и предмет дарения. Кроме того, договор дарения также будет являться недействительным, если он носил возмездный характер, поскольку по своей сути рассматриваемый договор является безвозмездным, а также в нем не был должным образом определен предмет дарения, т.е., когда предметом договора не является индивидуально определенная вещь.

Таким образом, по нашему мнению, ст. 687 ГК ДНР нуждается в дополнении, а именно в части указания в тексте договора стоимости передаваемого в дар имущества, так как при отмене дарения, влекущей за собой ответственность в виде возмещения убытков, даритель вправе требовать возмещения ущерба в денежном эквиваленте. Можно предложить такое изложение данной статьи: «В случае отмены дарения одаряемый обязан возвратить подаренную вещь, если она сохранилась в натуре к моменту дарения. При невозможности передать имущество, взыскивается его стоимость в денежном эквиваленте».

Список источников

1. Афонченко, А. О. Особенности формы договора дарения А. О. Афонченко, В. Д. Подболотова // Современная наука: перспективы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 30–33.
2. Новицкий, И. Б. Римское частное право: учебник для вузов / И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский (ред.). – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – 560 с.
3. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2002. – 800 с.
4. Гражданский кодекс ДНР: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.02.2021 г.). – Загл. с экрана.
5. Богачук, Т. В. Понятие договора дарения и его место в системе гражданско-правовых договоров / Т. В. Богачук // Крымский Академический вестник. – 2019. – № 9. – С. 30–34.
6. Дедюхина, И. Ф. Институт договора дарения в гражданском праве / И. Ф. Дедюхина, О. Ю. Смирнова // Современные экономические и правовые аспекты развития региональных систем. Сборник научных трудов Региональной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 138–141.
7. Егорова, Е. С. Особенности и проблемы отмены договора дарения / Е. С. Егорова, А. О. Морозова // Современный взгляд на будущее науки: сборник статей международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 159–162.
8. Картушина, Д. В. Проблемные аспекты определения предмета договора дарения / Д. В. Картушина, Е. А. Ефимова // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научнопрактической конференции. – М., 2015. – С. 68–71.
9. Гражданский кодекс ДНР: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 г. / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.02.2021 г.). – Загл. с экрана.
10. Махмудова, З. Г. Договор дарения / З. Г. Махмудова // Современные исследования. – 2018. – № 5. – С. 191–193.
11. Верзунов, И. Ю. Исследование договора дарения и возникающих проблем в его правоприменении / И. Ю. Верзунов // Наука и современность. – 2017. – № 51. – С. 180–185.
12. Выборнова, Е. С. Предмет гражданско-правового договора: монография / Е. С. Выборнова, Н. С. Александрова; М-во образования и науки Российской Федерации, Нац. исследовательский ядерный ин-т «МИФИ», Димитровградский инженерно-технологический ин-т. – М.: НИЯУ МИФИ, 2014. – 160 с.
13. Замотаева, Т. Б. Предмет договора как основание классификации договоров / Т. Б. Замотаева // Систематика договоров в гражданском праве. – Самара: Изд-во СГУ, 2016. – С. 62–69.
14. Крестьяная, К. Н. Особенности правовой регламентации договора дарения / К. Н. Крестьяная // Актуальные проблемы права и законодательства: Сб. материалов XII Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 166–168.
15. Махмудова, З. Г. Договор дарения / З. Г. Махмудова // Современные исследования. – 2018. – № 5. – С. 191–193.

16. Лукина, А. А. Договор дарения / А. А. Лукина, Я. С. Гришина // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 24. – С. 29–37.
17. Новиков, К. Б. Пожертвование как отдельный вид договора дарения: особенности регулирования в правоприменительной практике / К. Б. Новиков // Современная наука. 2016. – № 2. – С. 12–18.
18. Половцева, В. Ю. Недействительность договора дарения / В. Ю. Половцева // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей II Международной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 98–100.
19. Олифиренко, Е. П. Анализ отличительных особенностей договора дарения / Е. П. Олифиренко // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. статей XIX Международной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 240–242.
20. Гражданское право: учебник. Том 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – М.: Издательство Проспект, 2017. – 1675 с.
21. Шиловская, А. Л. Гражданско-правовая природа договора дарения / А. Л. Шиловская, С. Ю. Стародумова // Теоретические и практические проблемы нормативного регулирования частного права и процесса. Сборник статей по итогам научнопрактического семинара. – М., 2017. – С. 96–102.
22. Васильева, К. А. Некоторые особенности договора дарения / К. А. Васильева // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 153–159.
23. Дедюхина, И. Ф. Институт договора дарения в гражданском праве / И. Ф. Дедюхина, О. Ю. Смирнова // Современные экономические и правовые аспекты развития региональных систем. Сборник научных трудов Региональной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 138–141.
24. Грибанов, В. П. Отдельные виды обязательств: Курс советского гражданского права / В. П. Грибанов, А. А. Каравайкин, Б. Антимонов, И. Брауде, К. Граве и др. – М.: Госюриздат, 1954. – 360 с.
25. Телюкина, М. В. Комментарий к разделу 5 Гражданского кодекса Российской Федерации М. В. Телюкина // Законодательство и экономика. – 2012. – № 8. – С. 4–14.
26. Толстой, В. С. Исполнение обязательств / В. С. Толстой. – М.: «Юрид. лит», 1973. – 208 с.
27. Малеина, М. Н. О договоре дарения / М. Н. Малеина // Правоведение. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 1998. – № 4. – С. 129–133.
28. Егорова, Е. С. Особенности и проблемы отмены договора дарения Е. С. Егорова, А. О. Морозова // Современный взгляд на будущее науки: сб. статей международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 159–162.
29. Крестьяная, К. Н. Особенности правовой регламентации договора дарения / К. Н. Крестьяная // Актуальные проблемы права и законодательства: Сб. материалов XII Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 166–168.

Поступила в редакцию 28.03.2021 г.

GIFT CONTRACT: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article studies the characteristic features, content and grounds for terminating a donation agreement under the Civil Code of the Donetsk People's Republic. The legal nature of the donation

agreement, the conditions for its formation in Roman private law and modern civil legislation of the DPR are analyzed. The specifics of the conclusion, execution and termination of the donation agreement are considered. Also, special grounds for refusal of the donee from the donation agreement are highlighted. Considered such a special form of donation as charity, the essence and characteristics.

Keywords: donation agreement, donor, donee, state registration, cancellation of donation.

Дербишева Ольга Александровна

Старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия
внутренних дел Министерства внутренних
дел Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Степанова Виктория Олеговна

Студентка магистратуры ГОО ВПО
«Донецкая академия Министерства
внутренних дел» Донецкой Народной
Республики
ДНР, г. Донецк
E-mail: tasamaya2620@gmail.com

Derbisheva Olga

Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Stepanova Victoria

Law student of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Donetsk
People's Republic
DPR, Donetsk
E-mail: tasamaya2620@gmail.com

УДК 347.9

Ефремова А. В.
Авдеева О. Р.

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В научной работе автор раскрывает вопрос о правовой природе института исполнительного производства. Исполнительное производство одно из самых действенных механизмов защиты прав, свобод, интересов человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства. Нами совершен сравнительно-правовой анализ концептуальных подходов авторов к определению места исполнительного производства среди других институтов, предлагается своё видение места института исполнительного производства в системе процессуальных отраслей права Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: исполнительное производство, гражданский процесс, защита прав, правовая природа, принудительное исполнение.

Вопрос о правовой природе исполнительного производства в юридической научной литературе считается дискуссионным. Под правовой природой исполнительного производства понимается определение места исполнительного производства в системе процессуальных отраслей права Донецкой Народной Республики.

Исполнительное производство одно из самых действенных механизмов защиты прав, свобод, интересов человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства. Процесс защиты нарушенного или оспоренного права не завершается вынесением судебного акта, это обусловлено целью гражданского процесса, которая состоит в том, чтобы право не только существовало, но и действовало. В условиях современного этапа перестройки внутригосударственного законодательства в постсоветское пространство правовая наука всё больше имеет влияние на общественные отношения и требует соответствующего основательного правового анализа и усовершенствования в связи с развивающимися и изменяющимися правовыми отношениями. Поскольку, анализ юридически значимых процедур без их определения в правовой системе государства не возможен, предлагается рассмотреть основные смысловые подходы авторов к определению места исполнительного производства и сформировать новое видение по вопросу самостоятельности института исполнительного производства.

Степень научной разработанности темы исследования. Существует множество концепций правовой природы исполнительного производства в юридической научной литературе. В частности, этим вопросом занимались М. С. Шакарян, Ю. С. Гамбаров, М. К. Юрков, С. М. Пелевин и др.

Целью данной научной работы является анализ основных смысловых подходов авторов по вопросу самостоятельности института исполнительного производства и формирование отдельной самостоятельной позиции автора.

В статье ставится задача проведения сравнительно-правового анализа различных подходов авторов по проблемному аспекту для окончательного формирования и установления отдельной самостоятельной позиции по вопросу правовой природы института исполнительного производства.

Методологической основой работы является совокупность методов и способов познания в сфере общественного и правового развития. Ведущим специальным методом исследования является системный метод. В качестве общенаучных методов используются анализ, обобщение правовых явлений, индукция, дедукция.

Споры о самостоятельности исполнительного производства ведутся на протяжении почти четырех десятилетий. Для определения места исполнительного производства в правовой системе государства следует установить, прежде всего, его сущность в различные исторические периоды развития государства.

Обратимся к моменту появления исполнительного производства, первая реформа исполнительного производства в России проводилось в 1261 году, тогда появляется первый законно урегулированный способ исполнения судебных решений, который получил название «отдача головою», там же идёт упоминание о первых приставах на Руси. Закреплено оно в Договоре Великого Новгорода с князем Ярославом Ярославовичем 1270 года [1, с. 32]. Они должны были исполнять решения судов, а так же осуществлять поимку должника по требованию взыскателя и обеспечить его явку в суд [2, с. 140].

Эволюционное развитие исполнительного производства в России приходится на конец XIII–XV в. Реформа исполнительного процесса в указанный период начинается с реализации идеи о необходимости кардинальной перестройки системы принудительного исполнения в целом. По мнению В. М. Голубева и О. В. Исаенковой, «... это во многом было связано с той присущей российскому менталитету особенностью, в силу которой у граждан сформировалось весьма своеобразное отношение к реформированию любых областей социальной жизни: с одной стороны, желание власти в начале реформаторского процесса перестроить все быстро и коренным образом и, с другой стороны, неприятие населением, боязнь перемен вообще» [3, с. 33].

В 1497 году князь Иван III утверждает «Судебник», который впервые устанавливает систему органов исполнения и отделяет её от судебного производства [4, с. 214–215]. Судебники 1497 г. и 1550 г. называют три способа исполнения судебных решений: взыскание с имущества должника; правож; отдача головою, который применялся только в тех случаях, когда в течение одного месяца правож не дал желаемых результатов, а должник не имел ни имущества, ни поручителей по оплате долга [5, с. 141].

Серьезный вклад в развитие исполнительного производства начинается с середины 20-х годов XIX в. Один из разделов Свода законов содержал законы гражданские и межевые, в том числе законы о гражданском судопроизводстве и о мерах гражданских взысканий. Но материальное право еще не было отделено от

процессуального права. С девятнадцатого века исполнение судебных постановлений стало осуществляться специальным органом и по специальному регламенту, а это означало, что положило начало формирования самостоятельного гражданско-процессуального института – исполнительное производство.

Проводя анализ действия исполнительного производства в различные исторические периоды, можно отметить характерную особенность советского гражданского процесса, которая заключается в том, что оно должно не только обеспечивать правовое и быстрое рассмотрение гражданских дел, но и на всех стадиях гражданского процесса создавать условия, необходимые для исполнения судебных решений в части достижения полного возобновления нарушенного права [6, с. 205].

У советских исследователей отсутствовало единство мнений относительно места и роли исполнительного производства в системе права. Весьма часто исполнительное производство стали называть стадией гражданского процесса. В. А. Краснокутский в своей работе «Очерки гражданского процессуального права», формулирует две разные точки зрения на определение места исполнительного производства в системе права:

1. Право на судебное решение – это одна из форм защиты права, а принудительное исполнение – другая, отличная от первой форма.

2. Исполнение решений есть последняя стадия гражданского процесса, когда реализуется постановленное решение [7, с. 141].

Предлагается рассмотреть исполнительное производство с нескольких сторон. Так, по общему правилу, считается, что исполнительное производство – это деятельность субъектов общественных отношений, возникающая в связи с принудительным осуществлением требований судебных актов и актов других органов [8, с. 246]. При этом, исполнительное производство – это массив юридических норм, регулирующих соответствующую деятельность и отношения, возникающие в связи с ее осуществлением.

Говоря об альтернативных подходах к месту исполнительного производства в гражданском процессуальном праве, хотелось бы отметить, что Юрков М. К. считал, что совокупность норм, регулирующих отношения по исполнению решений юрисдикционных органов, представляет собой отдельное правовое образование – исполнительное право, которое имеет специфический предмет правового регулирования, собственные принципы, особый метод правового регулирования, а также общие положения. В связи с этим автором предлагалось усовершенствование действующей системы права в виде выделения исполнительного права в самостоятельную отрасль права. Аналогичной позиции придерживался и Ю. Белоусов [9, с. 583].

Процессуалист Ю. С. Гамбаров исключал исполнительное производство из курса лекций по гражданскому процессу. Он отмечал, что исполнение судебных решений поручается не судам, а другим органам власти, не обладающим теми специфическими, особенными качествами, которые необходимы для проверки обоснованности юридических требований. Исаенкова О. В., характеризуя в своих работах исполнительное право как отрасль права, говорит о том, что необходимо признать, что исполнительное производство обладает всеми признаками самостоятельной отрасли права, поскольку имеет свой собственный предмет, метод правового

регулирования, нормативно-правовую базу, принципы, особенный субъектный состав, и субъекты могут быть призваны к юридической ответственности при определенных обстоятельствах [10, с. 30–31].

В. В. Комаров и В. В. Баранкова являются современными исследователями вопроса об исполнительном производстве, по их мнению, связь исполнительного производства с предыдущими стадиями судебного процесса определяется единством целей, закрепленных законом для всего судопроизводства в целом, и заключается в защите прав и охраняемых законом интересов. Процесс защиты права после вынесения решения и вступления его в законную силу продолжается в форме исполнительного производства и составляет заключительную стадию гражданского процесса [11, с. 421].

С. М. Пелевин полагает, что стадия исполнения является следствием рассмотрения и разрешения гражданского дела, защита субъективных гражданских и законных интересов находит в ней свое реальное воплощение и эта стадия является завершающей в гражданском судопроизводстве [12, с. 184].

Резюмируя вышеизложенное, авторы считают, что исполнительное производство является неотъемлемой составной частью правосудия, поскольку осуществляется в процессуальной форме, субъектами публичного права, уполномоченными на приведение в исполнение судебного решения в порядке, установленном законодательством Донецкой Народной Республики.

В связи с чем, делается вывод о том, что исполнительное производство занимает особое место в системе права. Значение норм, его составляющих трудно переоценить. Исполнительное производство является разновидностью правоприменительного процесса, включающего в себя материальную и процессуальную сторону. Это определяется следующими положениями: во-первых, конечной целью исполнительного производства выступает защита нарушенного права, при этом право является материальной составляющей правоприменительных отношений; во-вторых, деятельность по его защите или исполнению решения компетентного органа или должностного лица представляет собой процессуальную сторону данного отношения, протекающую с учетом основных принципов юридического процесса.

Сопоставляя мнения указанных выше авторов, полагается, что сущность исполнительного производства заключается в реализации предписанных судом процессуальных действий, которые способствуют восстановлению нарушенных прав и законных интересов. Безусловно, исполнительное производство не является только лишь стадией гражданского процесса Донецкой Народной Республики. Исполнительное производство – это целый механизм, способствующий исполнению судебных решений.

Судебный процесс и исполнительное производство соотносятся между собой как целое и часть. Рассматривать и утверждать, что исполнительное производство – это самостоятельный институт не следует, поскольку исполнительное производство обладает производственно-вспомогательной функцией по отношению к гражданскому процессу и в полной мере отражает процесс реализации цели гражданского процесса.

Исходя из этого, делается вывод, что рассмотрение института исполнительного производства в полной мере, как самостоятельной отрасли права представляется невозможным и несвоевременным.

Хотелось бы отметить, необходимость разделения понятий исполнительное производство и исполнительное право. Поскольку исполнительное право – это действительно, по нашему мнению, самостоятельная отрасль права, потому как представляет собой систему процессуальных правовых норм, регулирующих правоотношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, где субъективное материальное право или охраняемый законом интерес нарушенный должником, подтвержденный юрисдикционным актом получает свою реализацию через механизм государственного принуждения. Тогда как исполнительное производство это совокупность действий, целью которых является принудительное исполнение решений уполномоченных органов Донецкой Народной Республики. В результате проведенного исследования предлагается рассматривать исполнительное производство в нескольких значениях: как механизм реализации предписаний суда; как правовой институт, обладающий комплексным характером, поскольку затрагивает материальные и процессуальные нормы права.

Сегодняшнее исполнительное производство в Донецкой Народной Республике претерпевает трудности, это обусловлено отсутствием систематизированного и упорядоченного регулирования деятельности органов государственной исполнительной службы, но, поскольку, уровень важности рассматриваемого института требует особого внимания со стороны ученых-правоведов и практикующих юристов, указанные ранее выводы, помогут сформировать единое мнение относительно вопроса самостоятельности института исполнительного производства, а также повлиять на результативность деятельности судебной системы.

Список источников

1. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2005 (ОАО Ярослав. полигр. комб.). – 463 с.
2. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 443 с.
3. Голубев В. М. История развития исполнительного производства в России до Соборного уложения 1649 г. / В. М. Голубев, О. В. Исаенкова // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист, 2009. – № 3. – С. 33–38.
4. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – 672 с.
5. Филиппов, А. Н. Учебник истории русского права: (Пособие к лекциям) / [Соч.] А. Н. Филиппова, заслуж. орд. проф. Имп. Моск. ун-та. – 4-е изд., изм. и доп. Ч. 1. – Юрьев: тип. К. Матисена, 1912. – 796 с.
6. Заворотько, П. П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения / П. П. Заворотько. – М.: Юрид. лит., 1974. – 360 с.
7. Попова, О. Б. Исторические аспекты развития исполнительного производства в советский период / О. Б. Попова // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 4(112). – С. 138–141.
8. Шакарян, М. С. Гражданское процессуальное право: учебник / М. С. Шакарян. – М.: Проспект, 2004. – 472 с.

9. Юрков, М. К. Самостоятельность норм, регулирующих исполнительное производство / М. К. Юрков // Краткая антология уральской процессуальной мысли. 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – С. 579–586.
10. Исаенкова, О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: автореф. дис. ... д-ра юридических наук: 12.00.15 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 46 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002331804> (дата обращения 15.11.2020). – Загл. с экрана.
11. Комаров, В. В. Виконавче провадження: навчально-практичний посібник / В. В. Комаров, В. В. Баранкова, В. А. Бігун та ін. – Х.: Право, 2014. – 717 с.
12. Гражданский процесс: учебник / [А. П. Вершинин, Н. А. Чечина, Л. А. Кривоносов и др.]; под ред. В. А. Мусина [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2001. – 370 с.

Поступила в редакцию 17.02.2021 г.

ON THE QUESTION OF THE INDEPENDENCE OF THE INSTITUTE OF EXECUTIVE PRODUCTION

The article discusses the issue of the legal nature of the institution of enforcement proceedings. Enforcement proceedings are one of the most effective mechanisms for protecting the rights, freedoms, interests of a person and citizen, the interests of legal entities and the state. We have presented the authors' approaches to determining the place of enforcement proceedings among other institutions, and also proposed our own vision of the place of the institution of enforcement proceedings in the legal system of the Donetsk People's Republic.

Keywords: enforcement proceedings, civil procedure, protection of rights, legal nature, enforcement.

Ефремова Анна Владимировна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of legal sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Авдеева Ольга Романовна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olenka_avdeeva@mail.ua

Avdeeva Olga

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: olenka_avdeeva@mail.ua

УДК 34.05

Загуменная А. И.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В работе проведено сравнение гражданско-правового регулирования договора пожизненного содержания с иждивением в Донецкой Народной Республике и зарубежных странах. Проанализирована конструкция договора пожизненного содержания с иждивением как в странах ближнего зарубежья, так и в странах прецедентного права.

Ключевые слова: договор пожизненного содержания с иждивением, уход.

Одной из важнейших задач каждого государства, в особенности находящегося на пути становления, является развитие своего законодательства. В целях защиты прав граждан, повышения уровня жизни общества, законодательство должно прогрессивно развиваться, путём отслеживания потребностей, возникающих в обществе. Оно должно гибко реагировать на все изменения, происходящие в нем.

Чтобы понимать, какие нововведения нужны действующему законодательству, необходимо изучать практику построения законодательства зарубежных стран и перенимать у них положительный опыт, а также выявлять негативные стороны, чтобы в дальнейшем предотвращать внесение нерациональных изменений в отечественное законодательство.

Следует отметить, что проблемам договора пожизненного содержания с иждивением свои работы посвящали многие ученые, например, Ключникова Я. А., Токарева К. Г., Недорезов В. С., Федосеев П. С. и другие, однако в их исследованиях недостаточно освещен вопрос правового регулирования данного договора за рубежом.

В целях совершенствования действующего гражданско-правового законодательства предлагается рассмотреть гражданско-правовое регулирование договора пожизненного содержания с иждивением в зарубежных странах.

Для начала следует сказать, что понимается под договором пожизненного содержания с иждивением. В отечественном законодательстве по договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты – физическое лицо передает принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением физического лица и (или) указанного им третьего лица (лиц). К договору пожизненного содержания с иждивением применяются правила о пожизненной ренте, если иное не предусмотрено законодательством (ст. 710 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики) [1].

Предлагаем рассмотреть гражданское законодательство ближайших государств на предмет наличия правового регулирования договора пожизненного содержания с иждивением.

Правовые положения о договоре пожизненного содержания с иждивением в Гражданском кодексе Российской Федерации аналогичны Гражданскому кодексу Донецкой Народной Республики (ст. 601) [2].

Согласно ст. 572 Гражданского кодекса республики Беларусь по договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты – гражданин передает принадлежащее ему недвижимое имущество, за исключением земельного участка, в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц). При этом земельный участок передается под выплату ренты в соответствии с законодательством об охране и использовании земель. К договору пожизненного содержания с иждивением применяются правила о пожизненной ренте [3].

Согласно ст. 535 Гражданского кодекса Республики Казахстан по договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты – гражданин передает принадлежащее ему недвижимое имущество в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением этого гражданина и (или) указанного им третьего лица. К договору пожизненного содержания с иждивением применяются правила о пожизненной ренте [4].

Таким образом, мы видим, что в гражданском законодательстве ближних государств предусмотрен договор пожизненного содержания с иждивением, который практически аналогичен положениям Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, отличия имеются только в предмете договора.

Также представляет интерес исследование правового регулирования договора пожизненного содержания с иждивением в законодательстве стран прецедентного права, в связи с имеющимися значительными отличиями от отечественного законодательства.

Возьмем для примера такие страны как Соединенные Штаты Америки и Канаду. В данных странах рассматриваемый нами договор именуют по-разному: договор об уходе, договор о долгосрочном уходе, договор о пожизненном уходе.

Основное отличие данных договоров от отечественного договора пожизненного содержания с иждивением заключается в сторонах договора. Так, согласно Гражданскому кодексу Донецкой Народной Республики получателем ренты может быть любое физическое лицо, независимо от возраста, состояния здоровья. В США и Канаде получателем ренты по данному договору является пожилое лицо, и такие договоры заключаются в основном для ухода за пожилым человеком, который не может, в силу возраста, заботиться о себе самостоятельно.

Маргарет Холл отмечает, что договор об уходе предполагает передачу пожилыми лицами имущества (зачастую дома) другу или члену семьи в обмен на уход и поддержку. Стороны договора обычно предполагают, что пожилой человек и лицо, оказывающее уход, будут жить вместе в переданном доме. Эти договора почти всегда заключаются устно, без юридических консультаций и договорённостей относительно необходимых условий.

Маргарет Холл также называет условия договора пожизненного ухода, которыми являются:

1) Срок действия. Дата начала оказания ухода является обязательной при составлении договора пожизненного ухода. Если услуги начали оказываться до подписания договора, то они не будут учитываться. Продолжительность оказания услуг также должна быть включена в договор. Можно заключить договор на короткий срок, например на 6 месяцев, или на оставшуюся часть жизни пожилого человека.

2) Уход. Услуги, которые будут оказываться, а также услуги, которые не будут оказываться пожилому человеку должны быть перечислены в договоре. Перечень услуг должен быть полным и конкретным. Предоставляемые услуги могут включать помощь за соблюдением гигиены, приготовление пищи, уборку и стирку, покупку лекарств, выполнение поручений, обеспечение передвижения пожилого человека, решение финансовых вопросов, таких как оплата счетов. Если договор долгосрочный, необходимо включать в него услуги, которые можно предвидеть как необходимые в будущем. Также важно указать места, в которых будут предоставляться услуги (дом лица, оказывающего уход, дом престарелых и тому подобное), частота, с которой будут предоставляться услуги, и время суток, в которое они будут предоставляться. Например, существует возможность включать в договор такие формулировки, как «не менее 10 часов в неделю» или «не более 40 часов в неделю».

В качестве примера необходимости указывать в договоре полный перечень предоставляемых услуг приводится следующее дело:

Договор, заключённый в письменной форме предусматривал, что между миссис Симпсон, её сыном и невесткой был заключен договор об уходе, согласно которому право собственности на дом миссис Симпсон передавалось её сыну, а ей будет предоставлены квартира. Также сын должен был выплачивать миссис Симпсон арендную плату за пользование домом и оплачивать иные расходы, связанные с использованием недвижимостью.

После смерти миссис Симпсон другие ее дети пытались добиться отмены договора по ряду причин, включая нарушение договора, утверждая, что обещание об уходе было нарушено, когда миссис Симпсон переехала жить в дом престарелых. Истцы также утверждали, что неудовлетворительные жилищные условия миссис Симпсон до ее переезда представляли собой нарушение обещания об уходе за ней. Суд отклонил оба довода, в связи с тем, что неудовлетворительное состояние жилья и самочувствия миссис Симпсон не означало, что ответчики не выполняли своих договорных обязательств.

Не удовлетворившись этими, истцы в суде заявили, что переезд миссис Симпсон в дом престарелых противоречит соглашению о том, что миссис Симпсон будет жить в квартире до конца жизни. Однако в жизни любого человека вполне может наступить время, когда жизнь в доме престарелых станет практической необходимостью. Этот иск о нарушении договора был не аргументирован. Прием в дом престарелых после того, как домашний уход стал невозможным, интерпретируется здесь как

подразумеваемый термин обещания «заботиться о жизни». Этот вывод, однако, не является самоочевидным, и двусмысленность в этом вопросе может в некоторых случаях привести к тому, что лицо, осуществляющее уход, будет исполнять обязанность по уходу с возможными опасными последствиями для здоровья пожилого человека.

Прецеденты свидетельствуют о том, что большинство договоров об уходе расторгаются из-за ссор между сторонами. Психодинамика договора об уходе способствует ряду «провоцирующих событий». Пожилой человек может быть недоволен контролем со стороны лица, осуществляющего уход, над его действиями (например, ограничением возможности пожилого человека управлять автомобилем). Пожилому может быть трудно относиться к своему «собственному» дому как к принадлежащему кому-то другому, несмотря на юридические последствия передачи имущества. Лицо, осуществляющее уход, может пожелать продать дом и купить другой. Если договор заключается в уходе за пожилым, ничто не мешает лицу, осуществляющему уход, продать дом и продолжать ухаживать за пожилым человеком в новом доме. Пожилой человек, возможно, не ожидал этого, думая, что сделка включала в себя пребывание в его доме. Любое из этих недоразумений может значительно повлиять на отношения.

3) Оплата. Сумма, которую лицо, оказывающее уход, получает в качестве оплаты за услуги, должна быть справедливой и разумной. Для того, чтоб её рассчитать, достаточно узнать среднюю почасовую оплату ухода за ребенком в том районе, где проживает лицо. Как только почасовая сумма согласована, оплата обычно устанавливается на еженедельной, двухнедельной или ежемесячной основе. Оплата не ограничивается наличными деньгами; многие соглашения предусматривают передачу имущества вместо или в дополнение к денежным платежам.

При расчете единовременных выплат (в том числе имущественных) необходимо учитывать продолжительность жизни лица, нуждающегося в уходе. Например, предположим, что пожилому человеку 80 лет, а его ожидаемая продолжительность жизни составляет 7 лет. Это означает, что компенсация должна быть рассчитана на 7 лет.

Соглашения о единовременном расчете более сложны, чем еженедельные, двухнедельные и ежемесячные платежные соглашения.

4) Условия, касательно внесения изменений в договор. Этот раздел включает в себя информацию о том, что соглашение может быть изменено только в том случае, если обе стороны согласны на изменение в письменной форме.

5) Условия о расторжении договора. Можно включить в договор пункт о том, что договор может быть расторгнут любой из сторон в письменной форме.

Заключение договора пожизненного содержания с иждивением пожилыми людьми в данных странах популярно также потому, что впоследствии они могут получить право использовать государственную программу по оказанию медицинской помощи под названием «Medicaid».

Это происходит следующим образом. Для того чтобы пожилые люди имели право на использование государственной программы по оказанию медицинской

помощи, существуют ограничения как на доходы, так и на имущество, установленные каждым из 50 штатов США. Претенденты на получение медицинской помощи должны иметь доход и имущество, оцениваемые в соответствии с лимитами данной государственной программы, что по существу означает, что пожилой человек должен быть бедным. Когда пожилой человек обращается за медицинской помощью все его финансовые операции за 5 лет пересматриваются. Если будет установлено, что имущество пожилого человека было подарено или продано по справедливой рыночной стоимости в течение данного периода, это может привести к отказу от получения государственной медицинской помощи в течение определенного срока, поскольку возможно умышленное избавление от собственности. Данное условие должно препятствовать тому, чтоб пожилые люди отчуждали свое имущество, с целью получения государственной помощи.

Если договор о пожизненном уходе заключен и составлен правильно, он покажет, что выплаты друзьям или семье (которые должны быть по справедливой рыночной стоимости) за уход были необходимыми расходами. Таким образом, не будет нарушено правило 5 лет [5].

Определены плюсы и минусы договора пожизненного содержания с иждивением в Соединенных Штатах Америки и Канаде.

К плюсам относятся:

1. Гибкость, которая проявляется в определении потребностей по мере их изменения. Например, в соглашениях о пожизненном уходе могут быть предусмотрены услуги, которые могут потребоваться по мере старения человека. Существует возможность включить эти услуги в соглашение, даже если в настоящее время в них нет необходимости. Место указания услуг также можно выбирать: дом престарелых, дом лица, оказывающего уход.

2. Данный договор помогает членам семьи оказывать помощь друг другу – зачастую уход за пожилым человеком возлагается на взрослого ребенка, что часто делается без материальной компенсации. Однако ребенку, возможно, придется сократить свой рабочий день, чтобы обеспечить необходимый уход, или вообще уйти с работы. Соглашения о пожизненном уходе позволяют получать компенсацию в обмен на оказанные услуги. Кроме того, существует высокий уровень доверия между сторонами договора в таком случае.

3. Законное сокращение расходов для получения государственной медицинской помощи – данный договор предлагает способ законного сокращения доходов или активов, чтобы помочь пожилому человеку получить право на получение государственной медицинской помощи, в то же время, сохраняя эти ресурсы в семье. Как упоминалось ранее, соглашения о пожизненном уходе обеспечивают доказательство того, что расходы, выплаченные члену семьи или близкому другу семьи, являются законными расходами, а не уловкой, чтобы отдать активы, чтобы претендовать на получение государственной медицинской помощи.

К минусам относят:

1. Неясность – если услуги, которые должны быть предоставлены, не четко изложены в соглашении о пожизненном уходе, между сторонами может возникнуть

конфликт. Например, если в договоре указано, что уход будет предоставляться по мере возникновения потребностей, следует четко указать, что представляет собой такой уход, чтобы ожидания соответствовали.

2. Конфликты между пожилыми людьми и членами семьи – эмоциональные чувства также могут создавать конфликт между пожилым человеком и лицом, оказывающим уход. Например, родитель может чувствовать, что взрослый ребенок должен заботиться о нем без материального вознаграждения, или взрослый ребенок может чувствовать, что родитель требует от него слишком многого.

3. Уязвимость – если пожилой человек использует свой дом в качестве единовременной выплаты за уход, то в случае возникновения конфликта пожилой человек может оказаться в ситуации, когда у него не будет ни дома, ни лица, оказывающего уход [6].

Подводя итог, можно сказать, что договор пожизненного содержания с иждивением предусмотрен гражданским законодательством зарубежных стран. Однако имеются отличия в сторонах и целях данного договора. Правовое регулирование данного договора в странах ближнего зарубежья практически полностью идентично отечественному, в отличие от стран прецедентного права. Главное отличие заключается в том, что в данных странах договор пожизненного содержания с иждивением заключается пожилыми людьми, с целью обеспечения их дальнейшей жизни и для получения медицинской помощи по государственной программе. Полагаем, что такое ограничение по возрасту не представляется целесообразным, в связи с чем можно сделать вывод, что законодательство Донецкой Народной Республики более прогрессивно в данном вопросе.

Список источников

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики от 13 декабря 2019 года № 81-ПНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 28 октября 1998 года № 218-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1998 г.
4. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 года № 409-І // Закон Республики Казахстан от 25.03.11 г. – № 421-ІV.
5. Hall, Margaret Isabel Care for Life: Private Care Agreements Between Older Adults and Friends or Family Members. – 2003. – Elder Law Rw [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/ElderLawRw/2003/9.html> (дата обращения: 28.01.2021). – Загл. с экрана.
6. Understand Life Care / Personal Care Agreements for Aging Care and their Medicaid impact [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.payingforseniorcare.com/medicaid/life-care-agreements> (дата обращения: 28.01.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 26.04.2021 г.

CHARACTERISTIC OF A LIFE LONG CARE CONTRACT IN FOREIGN COUNTRIES

The work compares the civil law regulation of the life long care contract with dependency in Donetsk People's Republic and foreign countries. The construction of life long care contract with a dependant both in the countries of near abroad and in the countries of case law is analyzed.

Keywords: life maintenance contract with a dependant, care.

Загуменная Алина Игоревна

Аспирант юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: alin00.00@mail.ru

Zagumennaya Alina

Graduate student of the faculty of law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: alin00.00@mail.ru

УДК 347.67

Загуменный К. И.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

В статье проведён сравнительно-правовой анализ института совместного завещания супругов по законодательству Донецкой Народной Республики, Российской Федерации, Федеративной Республики Германии и Англии. Были исследованы особенности порядка составления данного вида завещания и определены ключевые особенности нормативного регулирования рассматриваемого института в зарубежных странах.

Ключевые слова: завещание, совместное завещание, наследование, принципы наследования по завещанию, секретное завещание.

С 1 июля 2020 года вступил в силу Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР), который закрепил по аналогии с гражданским законодательством Российской Федерации институт совместного завещания супругов.

Для Российской Федерации, гражданско-правовые нормы, регулирующие возможность совершения совместного завещания в настоящий момент один из самых молодых институтов, который был введён 1 июня 2019 года. Расширение правовых форм распоряжения имуществом для граждан вызвало большой интерес в юридическом сообществе.

При проведении сравнительно-правового анализа рассматриваемого института необходимо учитывать тот факт, что положения гражданского законодательства Донецкой Народной Республики в части совместного завещания супругов практически полностью дублируют положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), поэтому результаты изучения совместного завещания супругов в контексте российской правовой науки вполне применимы и к Донецкой Народной Республике.

Актуальность выбранной темы исследования определена новизной изучаемого института в законодательстве Российской Федерацией и Донецкой Народной Республики в отличие от ряда европейских государств, где институт совместного завещания супругов закреплён в гражданском законодательстве уже на протяжении длительного периода времени [1].

Цель исследования состоит в определении сходств и различий институтов совместного завещания супругов по гражданскому законодательству Донецкой Народной Республики, Российской Федерации, Федеративной Республики Германии и Англии. Исходя из указанной цели, в статье решались следующие задачи:

– выявить общие и отличительные особенности развития доктринальной и нормативной конструкции института совместного завещания супругов;

© Загуменный К. И., 2021

– определить преимущества и недостатки института совместного завещания супругов;

– проследить эволюцию основных положений об институте совместного завещания супругов в Донецкой народной Республике.

В современной гражданско-правовой науке проблемы института завещания в целом изучались А. М. Байзигитовой, М. Ю. Барщевским, А. А. Богдановой, Н. Б. Деминой, Г. И. Жарковой, Р. Ю. Закировым, Д. Г. Козловым, И. А. Комаревцевой и другими учеными. Однако проблематика рассматриваемой новеллы на сегодняшний день нашла своё отражение лишь в ряде научных работ.

Наиболее глубоко проблемы института совместного завещания супругов изучил автор рассматриваемой новеллы, заслуженный юрист Российской Федерации Павел Крашенинников. Он отмечает, что: «правовые инновации не были рождены с нуля. Подобные формы передачи наследства используются в разных европейских странах уже много лет. Но не везде они прижились легко и безболезненно. Поэтому, только после детального изучения зарубежного опыта, с учетом национальных традиций и современных реалий, пределы правовых норм было решено расширить» [2].

Следует отметить, что в отличие от Российской Федерации, для Донецкой Народной Республики подобный вид завещания не является новым. В ранее действующем до 1 июля 2020 года Гражданском кодексе Украины была предусмотрена возможность составления общего завещания супругов [3].

Законодательство зарубежных стран не ограничивается лишь понятием «совместные завещания». В юриспруденции имеет место «взаимное завещание», «общее завещание», «встречное завещание». Такое разнообразие совместных завещаний позволяет классифицировать их следующим образом:

– одновременное совместное завещание, которое содержит не согласованные между собой распоряжения завещателей;

– взаимное совместное завещание, которое содержит распоряжения взаимного характера. В таком случае супруги могут свободно изменять завещание;

– взаимозависимое совместное завещание. При данном виде завещания распоряжения носят взаимный характер, а действительность одного завещания зависит от действительности распоряжений второго [4].

Как было отмечено ранее, в ряде государств также существует институт совместных завещаний.

Английское право именует данный институт Mutual Wills, а германское право – Berliner Testament. Институт совместного завещания супругов в зарубежных странах выступает в качестве механизма, с помощью которого осуществляется передача имущества как пережившему супругу, так и наследниками, которые были совместно избранными ими. Такой подход необходим для того, чтобы переживший супруг не мог распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению после смерти первого супруга [5, с. 200].

Таким образом, содержание совместного завещания супругов заключается в том, что заранее определяется судьба наследства, что позволяет свести возможные конфликты между наследниками к минимуму.

По английскому гражданскому законодательству такие завещания определяются как договор, который обязывает пережившего супруга не отзывать и не вносить изменения в своё завещание после смерти первого супруга. На протяжении жизни супруги (каждый из них) могут отменять либо вносить изменения в совместное завещание. После смерти одного из супругов, переживший супруг не может оказать влияние на завещание. Однако, если переживший супруг внесет изменения или вовсе решит отменить своё завещание, при этом нарушив интересы наследников по совместному завещанию, то в таком случае суд сможет установить, что имущество пережившего супруга принадлежит ему как трастовому управляющему в пользу наследников.

Рассмотрим более подробно порядок оформления завещания по законодательству Федеративной Республики Германии и сравним с порядком оформления данного вида завещания по гражданскому законодательству Донецкой Народной Республики.

Общим для правопорядков рассматриваемых государств является то, что согласно § 2265 Гражданского уложения Германии от 18 августа 1896 г. (далее – ГГУ) [6] и п. 4 ст. 1247 ГК ДНР [7] совместное завещание может быть составлено только супругами [8]. В ФРГ при нотариальном удостоверении такого рода завещания, закон предусматривает необходимость присутствия обоих наследодателей. § 2267 гражданского законодательства ФРГ предусматривает форму собственноручно написанного и подписанного совместного завещания. Такая форма завещания заключается в том, что один из наследодателей составляет завещание полностью собственноручно, а другой ставит свою подпись с указанием даты и места совершения подписи. В связи с такими минимальными требованиями к форме завещания, составление завещания в простой письменной форме не раз подвергалось критике со стороны учёных [8]. Согласно п. 1 ст. 1254 гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, совместное завещание должно быть составлено нотариусом в присутствии обоих супругов или оно должно быть передано наследодателями нотариусу.

При совершении совместного завещания одним из супругов, в соответствии с п. 2 ст. 1254 ГК ДНР, другой супруг должен прочитать соответствующее завещание в присутствии нотариуса. Подписать совместное завещание супругов наследодатель вправе только после совершения данного действия.

В свою очередь § 2266 ГГУ предусматривает, что совместное завещание супругов может быть составлено в чрезвычайных обстоятельствах [8].

Завещания, которые совершены при чрезвычайных обстоятельствах, имеют определённый срок действия с даты составления такого вида завещания – 3 месяца. Через 3 месяца, завещание не будет считаться составленным, а также в том случае, если один из наследодателей находится в живых. Отечественное гражданское законодательство устанавливает, что совместное завещание супругов в чрезвычайных обстоятельствах совершено быть не может [7].

Секретное завещание выступает в качестве подвида нотариально удостоверенного завещания на территории Донецкой Народной Республики и ФРГ. Так как раздел 8 ГГУ не предусматривает конкретные ограничения, которые запрещали

бы супругам изъявить свою волю при помощи составления такого вида завещания, то, согласно содержания § 2232 ГГУ, можно понять, что передать текст завещания нотариусу супруги могут в запечатанном виде. Однако в Донецкой Народной Республики п. 5 ст. 1255 ГК ДНР установлен запрет на совершение совместного завещания супругов в форме секретного завещания.

Стоит обратить внимание на ст. 1256 ГК ДНР, поскольку данная норма устанавливает некоторые ограничения в части порядка удостоверения совместного завещания супругов. Если буквально трактовать данную норму, то рассматриваемый вид завещания не может быть удостоверен в порядке, приравненном к нотариальному.

Существуют особенности удостоверения совместного завещания супругов в Донецкой Народной Республики, получившие своё закрепление в п. 6 ст. 1254 ГК ДНР. В отличие от Федеративной Республики Германии на территории Донецкой Народной Республики предусмотрена процедура видеофиксации при совершении нотариального удостоверения совместного завещания супругов, которая осуществляется с целью доказательства законности совершения данного нотариального действия. В соответствии с п. 6. ст. 1254 ГК ДНР супруги наделены правом отказаться от видеофиксации, в то время как гражданское законодательство форму возражения против этого не закрепляет. Так как, в соответствии рассматриваемой нормой оба супруга должны заявить возражение против осуществления видеофиксации, то законом остается не урегулирована возможная ситуация, при которой один из супругов выступил против видеофиксации [7].

Следует обратить внимание на существующие различия в форме составления исследуемого вида завещания. Гражданское законодательство ФРГ предусматривает две формы совершения подобного рода завещания: простая письменная и нотариальная формы, однако в Донецкой Народной Республике предусмотрена только нотариальная форма. Помимо этого, гражданским законодательством ФРГ закреплена возможность совершить исследуемый вид завещания в закрытой форме, а также при чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от Донецкой Народной Республики.

Отечественный законодатель установил запрет на составление совместного завещания супругов не только в секретной форме, но и при чрезвычайных обстоятельствах. Кроме того, как было указано ранее, совместное завещание супругов невозможно совершить и в порядке, приравненном к нотариальному. Смысл такого ограничения со стороны законодателя заключается в том, что в подобных ситуациях существуют сложности в части проверки соответствия волеизъявления завещателей.

Продолжая сравнение законодательного закрепления института совместного завещания супругов в ФРГ и Донецкой Народной Республике необходимо обратить внимание на возможно применения видеофиксации при составлении завещания супругами.

В гражданском законодательстве ФРГ отсутствуют нормы, которые определяли бы возможность применять видеофиксацию, в отличие от Донецкой Народной Республики, где такие условия прямо закреплены п. 6 ст. 1254 ГК ДНР. Такая

возможность, несомненно, является тем доказательством, которое помогает подтвердить единство волеизъявления супругов.

Подводя итоги, следует отметить, что закрепление института совместного завещания супругов в России и Донецкой Народной Республике, содержит определенные преимущества. К таким преимуществам относится возможность для супругов совместно определять судьбу имущества во избежание споров между наследниками в будущем, расширение диспозитивности в наследственном праве, однако, рассматриваемый институт только набирает обороты и проблемы связанные с его реализацией только предстоит выявить посредством юридической практики.

Список источников

1. Петров, Е. Ю. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю. Б. Гонгало, К. А. Михалев, Е. Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е. Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Российская газета – Федеральный выпуск № 117(7875), 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/05/30/pavel-krashennnikov-o-novyh-formah-nasledovaniia.html> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Гражданский кодекс Украины от 16 января 2003 г. № 435–IV // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2003. – № 40–44. – Ст. 316–317.
4. Актуальные вопросы наследственного права / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут. – 2016 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Солдатова, Е. О. Совместные завещания по российскому и зарубежному законодательству: сравнительный анализ / Е. О. Солдатова // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12.6(27). – С. 200–202.
6. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
7. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
8. Путинцева, Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. – М.: Статут, 2016 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 06.05.2021 г.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF JOINT WILL OF SPOUSES

The article provides a comparative legal analysis of the institution of joint will of spouses under the laws of the Donetsk People's Republic, the Russian Federation, the Federal Republic of Germany

and England. The features of the procedure for drawing up this type of will was investigated and the key features of the regulatory regulation of the institution in question in foreign countries were identified.

Keywords: will, joint will, inheritance, principles of inheritance by will, secret will.

Загуменный Кирилл Ильич

Аспирант юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: zagumenny2011@mail.ru

Zagumennyi Kirill

Graduate student of the faculty of law
Donetsk National University

DPR, Donetsk

E-mail: zagumenny2011@mail.ru

УДК 338.012

Карпенко Л. К.
Бондарь Н. А.

КЛОНИРОВАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

На основе научного материала раскрыть понятие клонирования, осветить теоретико – прикладные аспекты клонирования.

Ключевые слова: клонирование, запрет клонирования, уголовная ответственность за клонирование, теоретический подход к вопросам клонирования.

Клонирование – технология, которая подчеркивает достижения ученых в сфере биомедицины, и предназначена для создания клеток или организмов с одинаковыми нуклеарными геномами, как и у предыдущей клетки.

Выбор данной темы обусловлен выяснением сущности клонирования, его особенностей, этапов развития и изучения принципов борьбы государств с относительно новым явлением в науке. На сегодняшний день понятие клонирования понимается, как создание или воспроизведение человека, который генетически идентичен другому живому или умершему представителю человеческой расы, с помощью переноса и внедрения в женскую половую клетку ядра соматической клетки; эмбрион человека – человеческое существо, на стадии развития до восьми недель, согласно федеральному закону «О временном запрете клонирования» № 30 от 29 марта 2010 года. Вопросы клонирования находят свое отражение в таких нормативно-правовых актах, как «Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека», Федеральный Закон «О временном запрете клонирования человека», резолюция № 69 «Права человека и биоэтика», конвенция «О защите прав и достоинства человека».

Юридическое закрепление такого сложного явления, как клонирование, находит теоретические основы в работах многих ученых. Однако в рамках данного исследования целесообразно выделить таких авторов как Алексеев С. С., Баринов В. Г., Голиченков В. А., Груздева М. С., Митрякова Е. С., Пестрикова А. А., Попова Л. Л., Пурге А. Р., Федосеева Н. Н., Фрунин К. В.

Цель научной работы – на основе научного материала раскрыть понятие клонирования, осветить теоретико – прикладные аспекты клонирования.

Теоретико-прикладной аспект необходимо рассматривать, обращая внимание на ведущих правоведов данной тематики, так как на сегодняшний день отсутствует уголовная ответственность за клонирование человека в отечественной доктрине.

В данной связи, целесообразно провести анализ мнений ученых, который будет способствовать появлению нового состава преступления в Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР), закрепляющий уголовную ответственность за клонирование человека.

© Карпенко Л. К., Бондарь Н. А., 2021

Алексеев С.С. обращает наше внимание на то, что состав клонирования человека содержал ряд таких обязательных признаков, как общественная опасность, виновность, наказуемость, противоправность [1, с. 25].

Анализируя данное мнение, мы видим, что характер общественной опасности отражается в объекте преступления. Необходимо заметить, что главы Особенной части Уголовных кодексов зарубежного законодательства расположены и имеют четкую структуру по признаку объекта посягательства: происходит идентификация по группам родственных общественных отношений, которые охраняются со стороны государства. Следовательно, объект показывает нам к какой подруге имеет отношение данное преступление.

Обращаясь к мнению Пурге А. Р., мы видим, что объективная сторона преступления – это своеобразный процесс общественно опасного и противоправного посягательства, которое направлено на охраняемые законом интересы. В данном случае внешняя сторона выражается в последовательности событий и явлений, которые имеют начало с момента начала действия (бездействия) субъекта и имеют окончание в виде наступления преступного результата – появления клона на свет [7, с. 40].

Баринов В. Г. отмечает, что проблема клонирования заключается в определении общественной опасности, так как она выступает качественным признаком и отражает материальную сущность преступления. Следовательно, общественная опасность подразумевает возможность причинения вреда объектам и общественным интересам, которые находятся под охраной государства [2, с. 128].

Голиченков В. А. указывает нам перечень объектов, находящие свое отражение в нормах уголовного кодекса, и что с помощью них следует раскрывать общественную опасность, связанную с клонированием человека. Данный автор также обращает наше внимание на зависимость общественной опасности от таких фактов, как вред, время, место, способ, обстановка совершения уголовно наказуемого деяния [3, с. 200].

Попова Л. Л. говорит нам, что такие факторы, как тяжесть последствий, особенности посягательства (оконченное или неоконченное преступление, совершенное в соучастие или единолично), характер вины и особенности личности. В связи этим, общественная опасность законодателем предусмотрена в санкции статьи, ведь, чем больше общественная опасность преступного деяния, тем выше санкция и строже наказание [6, с. 40].

Пестрикова А. А. акцентирует наше внимание на том, что объективные признаки соучастия при клонировании человека заключаются в следующем: принимают активное участие два и (или) более лица; совершение действий каждого из участников является отправной точкой для начала действий других соучастников; действия находятся в постоянной причинно-следственной связи с наступившим результатом [5, с. 20].

Митрякова Е. С. под виной понимает психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому общественно опасному деянию и к его последствиям [4, с. 11].

Фрунин К. В. акцентирует наше внимание на том, что субъект преступления клонирования должен иметь дополнительные знания, которые находят свое отражение в области генетики, медицины, трансплантологии [8, с. 8].

Анализируя мнения данных ученых, мы отмечаем следующее.

Объект преступления – это охраняемые уголовным законом общественные отношения, на которые направлено общественно опасное деяние клонирования человека, и которым причиняется вред, или создается реальная угроза причинения вреда.

Объект преступления по вертикали классифицируется на общий, родовой и непосредственный.

Общим объектом для всех преступлений является совокупность всех общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Родовой объект – это группа однородных и взаимосвязанных между собой общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступлений, которые по своей юридической природе так же образуют однородную группу. Как уже было сказано выше, по признаку родового объекта Особенная часть УК разделяется на главы. Клонирование относится к преступлениям против жизни и здоровья человека.

Непосредственным объектом клонирования являются общественные отношения, обеспечивающие достоинство человека как представителя человеческого рода, индивидуальную целостность и неприкосновенность личности.

Предмет преступления клонирования – живые организмы, над которыми проводятся деяния, находящиеся под охраной действующего

Объективная сторона – внешняя сторона преступления, которая выражается в форме активных действий по созданию клона человека.

Мы отмечаем, что объективная сторона клонирования включает в себя ряд обязательных признаков: общественно опасное деяние, причинно-следственная связь и результат. В свою очередь, факультативными признаками являются: время, место, обстановка и способ совершения преступления.

Моментом окончания преступления считается момент создания клона, когда диспозиция состава клонирования человека нарушается.

Результат совершения преступления выражается в виде появления клона на свет.

Рассматривая причинно-следственную связь, мы понимаем ее как определенный результат между действиями людьми, которые направлены на получение клона. Необходимо акцентировать внимание на промежутке времени, так как наблюдается взаимосвязь с формированием и развитием естественных биологических процессов. Например, минимальный срок беременности до появления жизнеспособного ребенка – 196 дней, а максимальный – не более 300 суток, в связи с чем мы наблюдаем временные границы причинно-следственной связи.

Следует отметить, что на сегодняшний день выделяют две формы общественно опасного деяния: действие, то есть активное поведение, которое включает совокупность различных действий, находящихся под контролем лица; бездействие, то есть пассивное поведение, которое находит свое отражение в невыполнении или ненадлежащем выполнении лицом своих обязанностей.

Необходимо обратить внимание на то, что преступления клонирования человека выражаются исключительно только в форме действия, так как данный состав предусматривает исключительно активную форму поведения у нескольких субъектов одновременно. Например, удаления ядра у соматической клетки человеческого организма. Данное ядро необходимо также удалить из женской половой клетки, а вслед

ввести соматическую клетку в яйцеклетку. В дальнейшем применяется электрический ток, который способствует делению клеток и появлению эмбриона, то есть человеческого существа, на стадии развития до восьми недель. Окончанием процедуры является имплантация эмбриона в матку суррогатной матери, которая является источником сохранения и развития клонируемого человека.

Мы видим, что к факультативным признакам объективной стороны клонирования человека законодатель отнес: способ совершения преступления, обстановку совершения преступления, время и место совершения преступления.

Способ совершения преступления – это совокупность приемов и методов, необходимые для совершения общественно – опасного уголовного деяния; при клонировании человека данным способом является создание человеческих существ.

Обстановка совершения преступления – это обстоятельства, которые отражают совершенное преступление или условия необходимые для наступления желаемого результата. Следует отметить, данное обстоятельство учитывается только в случаях, если прямо предусмотрено уголовно-правовой нормой.

Время и место совершения преступления – это определенный период времени, когда эмбрион находится на стадии формирования и развития, составляет до 8 недель. Место для наступления преступного результата не имеет, но, как правило, лабораторные условия.

Субъективная сторона клонирования человека – это внутренняя сторона преступления, которая отражает все явления, находящие свое выражение в сознании и воли лица с целью выявления новых подходов для получения клона человека.

Вина – психическое отношение лица в форме умысла по созданию клона человека.

Интеллектуальный критерий – осознание виновным лицом характера совершаемого им деяния (формальный состав) и в предвидении его общественно – опасных последствий (материальный состав). Следует заметить, что интеллектуальный момент умысла соучастников в преступлениях клонирования человека – осознание характера своей деятельности, предвидение наступления результата в виде появления клона, а также наличие взаимных знаний о преступной деятельности с другими лицами.

Волевой критерий выражает в виде отношения субъекта преступления к совершенному деянию и его последствиям. В преступлениях клонирования человека выражается в виде действий лица, цель которых – получение клона человека, при этом отдают отчет своим действиям, вне зависимости от общественной опасности данного деяния.

Анализируя все вышеизложенное, необходимо рассмотреть факультативные признаки субъективной стороны состава, посвященного клонированию человека:

Мотив выражается в виде побуждения у субъекта права, которая обуславливается его внутренними интересами с целью совершения общественно – опасного деяния. На сегодняшний день мотивы клонирования человека подразделяются на: религиозный, карьеристский, корыстный.

Цель преступления находит свое отражение в достижении результата, под которым понимается получение клона человека, тем самым реализующие мотивы субъекта.

Субъект клонирования человека – вменяемое физическое лицо, которое достигло возраста уголовной ответственности и обладающее специальными знаниями в сфере биомедицины.

Вменяемость – психическое состояние лица, которое показывает возможность осознания лицом вредного характера своих действий, а также волю, выражающуюся в виде руководства своими действиями

Субъект клонирования человека – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В связи с определением субъекта, мы видим ряд обязательных признаков данного состава:

Возраст – завышенный, с 18 лет; уголовная ответственность наступает с достижением лица совершеннолетия (данная категория имеет различие в каждой стране).

Следует отметить, что клонирование человека объявлено вне закона лишь в относительно небольшом числе государств мира, на сегодняшний день их порядка десяти. Все попытки ввести запрет на международном уровне замедлялись в основном из-за возможного успешного использования клонирования в борьбе с серьезными заболеваниями.

На фоне отечественного уголовного права теоретико – прикладной аспект клонирования человека выглядит прогрессивным. В настоящий момент нормы уголовного закона зарубежных стран, предусматривающие ответственность за создание генетических копий живого или умершего человека, обладают превентивным характером.

Используя позитивный опыт в части уголовно-правового противодействия клонированию человека, предлагаем дополнить главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII УК ДНР новой статьей 121¹, которую изложить в следующей редакции:

«1. Репродуктивное клонирования, то есть особый вид клонирования, с целью создания копии другого организма в ходе экспериментального исследования или в рамках медицинской процедуры, –

наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.».

Список источников

1. Алексеев, С. С. Клонирование в зарубежных странах / С. С. Алексеев, Н. Г. Митрюшин / Практикум по клонированию. – М.: Издательство Юрайт, 2005. – 50 с.
2. Баринов, В. Г. Актуальные проблемы клонирования / В. Г. Баринов, А. Л. Макачева, В. Р. Лисева – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Издательство Юрист, 2014. – 300 с.
3. Голиченков, В. А. Эмбриология: учебник / В. А. Голиченков. – М.: издательство Пророк, 2014. – 300 с.
4. Митрякова, Е. С. Эмбрион как субъект правоотношений / Е. С. Голиченков // Вестник томского государственного университета. – М.: Издательство Норма, 2013. – С. 16–19.
5. Пестрикова, А. А. Статус эмбриона / А. А. Пестрикова // Коллегия адвокатов «Частное право». – М.: издательство Юрайт, 2013. – 48 с.
6. Попова, Л. Л. Актуальные проблемы клонирования: учебник / Л. Л. Попов. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Издательство Юрист, 2008. – 300 с.
7. Пурге, А. Р. Правовое положение эмбрионов в современной России / А. Р. Пурге // Ежегодный научный журнал. – М.: Издательство Феникс, 2012. – № 2. – С. 202–204.
8. Фрунин, К. В. Проблемы уголовного права зарубежных стран // Междунар. науч. практ. конф. – Москва, 2010. – 40 с.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

CLONING: THEORETICAL-APPLICATION ASPECT

On the basis of scientific material, to disclose the concept of cloning, to highlight the criminal legal aspects of cloning.

Keywords: cloning, prohibition of cloning, criminal liability for cloning, theoretical approach to cloning issues.

Карпенко Людмила Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк.
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Karpenko Lyudmila

Ph.D., Associate Professor, Associate
Professor of Criminal Law and Process of
Donetsk National University
DPR, Donetsk.
E-mail: Karpenko@donnu.ru

Бондарь Никита Александрович

Студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий Национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: anananas2012@yandex.ru

Bondar Nikita

Law Student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: anananas2012@yandex.ru

УДК 343.241

Карпенко Л. К.
Вировец О. Ю.

ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сложившиеся в России общественные отношения обуславливают изменение подходов к дальнейшему совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Несмотря на принятые в последние годы законы, составляющие правовую базу борьбы с преступностью, ее уровень остается неоправданно высоким. Такое положение преступности в Российской Федерации заставляет задуматься в отношении правильности установления и исполнения целей уголовного наказания. В связи с этим, в статье рассматриваются вопросы целей уголовного наказания, анализируются вопросы, связанные с достижением целей уголовного наказания.

Ключевые слова: цели уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

Актуальность выбранной темы работы обусловлена тем, что существенное значение, для назначения наказания имеют цели, которые стоят перед уголовным наказанием. При вынесении решения по уголовному делу, суд должен избирать такой вид и размер наказания виновному, которое явилось бы действенным средством достижения целей наказания. При этом суд назначает наказание исключительно в пределах санкции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Еще И. Кант, в своей работе «Критика чистого разума» писал: «В каждом наказании, как таковом, прежде всего должна присутствовать справедливость, она-то и составляет суть этого понятия» [1, с. 357]. Законодательное закрепление целей уголовного наказания вызывает острую критику в юридической науке, как с точки зрения легального определения, так и с точки зрения практического достижения указанных целей. Наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) целей наказания позволяет установить направление деятельности уголовной политики государства.

Цели уголовного наказания – те конечные реальные результаты, которые стремится достичь общество и государство, устанавливая наказание в уголовном законе, определяя меру этого наказания лицу, виновному в совершении преступления, и применяя эту меру. Т. е. целями наказания являются:

1. Восстановление социальной справедливости.
2. Исправление осужденного.
3. Предупреждение совершения новых преступлений [2].

Сущность такой цели, как цель восстановления социальной справедливости заключается в том, что для лица, совершившего преступление избирается справедливое наказание, путем назначения наказания от имени государства и исключения возможности «самосуда» и иных неправомерных действий со стороны граждан, в отношении виновного лица. Наказание, которое назначается виновному лицу, должно быть соразмерно совершенному уголовно наказуемому, виновному и противоправному деянию, и соответствовать принципу справедливого судебного разбирательства, установленного Конституцией Российской Федерации и нормами международного права [3]. Восстановление социальной справедливости, как цель наказания, нисколько не подразумевает причинение физических или моральных страданий осужденному или попытки к устрашению, запугиванию, а также к ужесточению наказания. Ст. 21 Конституции Российской Федерации [4] и ст. 7 Уголовного кодекса РФ [5], прямо указывают что, наказание и иные меры уголовно-правового характера не могут иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Необходимо отметить описание цели «восстановление социальной справедливости», предложенное А. Ф. Бернером: «Преступлением оскорбляется закон, общество, государство, но обыкновенно, кроме этого, им оскорбляется и отдельная воля (лицо, пострадавшее от преступления). Как та, так и другая должны быть удовлетворены, т.е. наказание должно вернуть как обществу, так и пострадавшему лицу чувство и осознание господства справедливости. Если преступление есть по преимуществу оскорбление частной воли, как, например, оскорбление чести, то и наказание должно преимущественно удовлетворять эту частную волю. Если же преступление оскорбило преимущественно общественную волю, то и наказание должно быть направлено на удовлетворение последней» [6].

Цель восстановления социальной справедливости не является главной среди других целей уголовного наказания, предусмотренных Уголовным кодексом, но как показывает практическая деятельность, эта цель является единственной, которая действительно достигается в результате применения и исполнения наказания, в отношении лица, совершившего преступление.

Цель – исправление осужденного, подразумевает под собой, изменение негативных (маргинальных) качеств личности виновного, которые стали факторами для совершения преступления. Данная цель уголовного наказания реализуется путем оказания на осужденного исправительно-воспитательного воздействия в процессе исполнения наказания. Воспитательная работа и обучение является наиболее важным психолого-педагогическим средством, которое специально направлено на уничтожение отрицательных последствий деформации личности, лишенной свободы за совершение преступления, на осуществление реального, а не формального процесса исправления осужденных. По окончании срока наказания, виновное лицо должно стать безопасным и, прежде всего, законопослушным членом общества.

Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям социальной жизни и

стимулирование правопослушного поведения [7]. Колоссальное значение, для исправления осужденного, имеет применение в отношении такого лица, законных и разумных средств положительного воздействия на личность осужденного и его социальных связей, а именно:

1. Установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим).
2. Воспитательная работа.
3. Общественно полезный труд.
4. Получение общего образования.
5. Профессиональное обучение.
6. Общественное воздействие [8].

Огромное значение, для исправления осужденного, имеет самовоспитание, т.е. стремление осужденного к исправлению своего поведения, которое повлекло неблагоприятные последствия как для него самого, так и для общества и государства в целом. Самовоспитание или перевоспитание лица, совершившего преступление необходимо всячески стимулировать и поддерживать.

Цель исправления осужденного будет достигнута только в случае «если воспитательное воздействие наказания на нравственно-психологическую, волевую и эмоционально-чувственную сферы осужденного приведет к тому, что осужденный не будет совершать новых преступлений, в силу наступивших изменений в его психике в виде негативного оценочного отношения к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами. Требовать большего от воспитательного воздействия уголовного наказания означает погрузиться в утопию» [9, с. 114].

К сожалению цель исправления осужденного достигается крайне редко, во многих случаях, лица единожды совершившее преступление после освобождения из мест лишения свободы, либо во время исполнения наказания совершают новое преступление и возвращаются снова на скамью подсудимых для вынесения обвинительного приговора суда.

Действующее уголовное законодательство не раскрывает содержания цели предупреждения совершения новых преступлений. В науке уголовного права, цель предупреждения совершения новых преступлений или превенция, заключается в том, что вследствие применения одного из видов уголовного наказания, в отношении лица, совершившего преступное деяние, государство пытается добиться, чтобы ни виновный, ни любое другое лицо не совершали противоправных деяний в будущем под страхом справедливого наказания.

В юридической литературе различают общую и частную (специальную) превенции. Сущность общей превенции состоит в оказании психологического устрашения лица, совершившего преступление и других лиц, путем установления строгого и справедливого наказания в уголовном законодательстве и неотвратимости его применения. Частная или специальная превенция применяется лишь к лицам, уже осужденным за совершение преступления и состоит в оказании воспитательных и предупредительных мер психологического и воспитательно-предупредительного характера, с целью оставления в будущем совершения

преступлений осужденным [10, с. 250–251]. Средствами реализации предупредительной цели являются:

1. Установление контроля за осужденным (его поведением).
2. Изоляция виновного лица от общества.
3. Лишение права на занятие должностей или занятие определенной деятельностью и т. д. [11, с. 114–116].

Средства реализации данной цели уголовного наказания нацелены на уменьшение количества рецидивов, что показывает статистика реализации данной цели наказания.

Как мы видим, цель превенции и исправление осужденного тесно взаимосвязаны между собой. В случае, неисполнения какой-либо из этих целей, вторая автоматически становится нереализованной.

Алфонсо Рейес дает классификацию теорий, исходящих из признания тех или иных целей наказания:

1. Абсолютные теории, которые признают цели наказания «в нем самом», как якобы возмещающем причиненный преступлением вред или восстанавливающим нарушенное право.
2. Относительные теории, которые исходят из определенной цели, которой служит наказание (предупреждение – общее и специальное, социальная защита общества от опасных посягательств, исправление, ресоциализация и т.д.).
3. Смешанные теории, которые признают некоторые цели наказания в качестве основных, а другие второстепенными, менее важными.

Также сюда включается теория новой социальной защиты, сущность которой состоит в том, что наказание имеет целью защитить общество от криминальных элементов посредством применения лечебных и воспитательных методов, которые были направлены на ресоциализацию преступника [12, с. 237–238].

Все сформулированные УК РФ цели наказания служат необходимым фундаментом для решения вопросов эффективности применения уголовных наказаний. Цели наказаний – это, в свою очередь, основа построения системы наказаний, предусмотренной уголовным законом. По своей сути, цели наказания – это правила, применяемые при назначении и исполнении наказаний, и именно они определяют характер правоприменительной деятельности государства, которая нацелена на качественную модернизацию института уголовного наказания.

Все цели наказания тесно между собой связаны, что не исключает изменений в тот или иной период в их соотношении и установлении приоритета одной цели перед другой. Эти изменения могут быть связаны с состоянием преступности в целом, распространенностью и общественной опасностью отдельных видов преступлений, тенденциями в уголовной политике и законодательстве, изменениями в социальной и экономической жизни общества и т.п.

Сущность наказания по законодательству того или иного государства связана с теми целями, которые преследуются применением наказания.

Список источников

1. Кант, И. Критика практического разума Кант, И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. Ч. 1. – 544 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ Государственной Думы РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.04.2021 г.). – Загл. с экрана.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.03.2020. – № 15. – Ст. 1416.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.03.2020. – № 15. – Ст. 1416.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: ФЗ Государственной Думы РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.04.2021 г.). – Загл. с экрана.
6. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права / А. Ф. Бернер, Н. Неклюдов. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1981. – 941 с.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Государственной Думы РФ от 18 декабря 1996 г. № 1-ФЗ / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 11.04.2021 г.). – Загл. с экрана.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Государственной Думы РФ от 18 декабря 1996 г. № 1-ФЗ / СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 11.04.2021 г.). – Загл. с экрана.
9. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия: монография / А. Ф. Мицкевич. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 327 с.
10. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотникова – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.
11. Букалерева, Л. А. Средства реализации целей наказания / Л. А. Букалерева, Т. Ф. Миняева // FACTA UNIVERSITATIS. – и Series: Law and Politics. – Vol. 10. – № 2. – 2012. – С. 111–118.
12. Онкой, Э. Понятие и цели наказания по уголовному праву Латиноамериканских стран / Э. Онкой // Пробелы в Российском Законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 237–238.

Поступила в редакцию 17.05.2021 г.

OBJECTIVES OF CRIMINAL PUNISHMENT: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The social relations that have developed in Russia determine a change in approaches to the further improvement of criminal, criminal procedural and criminal-executive legislation. Despite the laws adopted in recent years that constitute the legal framework for combating crime, its level remains unreasonably high. This state of crime in the Russian Federation makes one think about the correctness of the establishment and implementation of the goals of criminal punishment. In this regard, the article discusses the issues of the goals of criminal punishment, analyzes the issues related to the achievement of the goals of criminal punishment.

Keywords: objectives of criminal punishment, restoration of social justice, correction of convicts, prevention of new crimes.

Карпенко Людмила Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: karpenko@donnu.ru

Karpenko Ludmila

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: karpenko@donnu.ru

Вировец Ольга Юрьевна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: modestova17@gmail.com

Virovets Olga

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: modestova17@gmail.com

УДК 343.2/.7

Карпенко Л. К.
Кривоносова Я. Е.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИЗЪЯТИЯ ОРГАНОВ ИЛИ ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В настоящей статье дан уголовно-правовой анализ преступлений в сфере незаконного изъятия органов или тканей человека. Установлено, что действующее законодательство Донецкой Народной Республики не свободно от пробелов в части охраны общественных отношений от посягательств, направленных на жизнь и здоровье человека, и что некоторые общественно опасные деяния, связанные с незаконной трансплантацией органов или тканей человека не находят своей уголовно-правовой оценки.

Ключевые слова: орган, состав преступления, ткань, трансплантация, уголовная ответственность.

На сегодняшний день трансплантация органов или тканей человека занимает прочное лидерское место среди медицинских направлений. Потенциал трансплантологии как науки является исключительным, так как с помощью трансплантации органов или тканей человека оказалось возможным безальтернативно улучшать качество жизни и здоровья пациентов, страдающих сердечной, легочной, печеночной и другими недостаточностями.

Тем не менее, трансплантации присущи некоторые черты, которые существенно ограничивают ее терапевтический жизнеспасающий потенциал, и в этом раскрывается ее парадоксальный характер – при максимальной эффективности этого вида помощи оказывается невозможным достичь ее максимальной доступности для всех в ней нуждающихся. В отличие от других медицинских специальностей, её существенным недостатком является острая нехватка ресурса, необходимого для оказания этой помощи, – ресурса «здоровых» донорских органов [1, с. 192–193].

В подтверждение указанного суждения считаем справедливым обратиться к мнению А. П. Соловьева, который отмечает, что сегодня в мировом сообществе сложилась ситуация, при которой «ни одна страна в мире не способна в полной мере удовлетворить потребность лиц, нуждающихся в органах и (или) тканях для пересадки» [2, с. 554]. Поэтому «сложившаяся в настоящее время ситуация в области пересадки человеческих органов и (или) тканей не могла не попасть в сферу организованной преступности, постепенно становясь одним из выгоднейших видов криминального бизнеса» [2, с. 555].

Очевидно, что любые достижения научно-технического прогресса могут не только приносить пользу, но и представлять определённую опасность. Поэтому

© Карпенко Л. К., Кривоносова Я. Е., 2021

государство должно учитывать такие потенциальные угрозы и предупреждать их опережающим образом, в том числе путём установления соответствующих уголовно-правовых запретов. Но бывает и так, что даже в относительно не новых областях, где соответствующие технологии какое-то время успешно применяются, законодательство не лишено недостатков и прежде всего не столько в части позитивного регулирования, сколько в аспекте защиты от противоправных посягательств. В первую очередь это относится именно к трансплантологии, которая способна породить чудовищные преступления, особенно в тех случаях, когда ценность человеческой жизни измеряется деньгами. Поэтому с трансплантацией связан целый комплекс медицинских, моральных, религиозных и, конечно, правовых проблем [3, с. 3–4].

Существенное повышение спроса на органы и ткани человека над их предложением создает предпосылки для совершения различных противоправных деяний, поскольку дефицит трансплантантов обуславливает их высокую стоимость. По причине возможности извлечения сверхдоходов данная сфера представляет существенный интерес для преступных групп.

В последнее время указанные обстоятельства стали волновать ряд стран, что повлекло существенные изменения в правовом регулировании данной проблемы на международной арене. Это выражается в активизации взаимодействия государств в области борьбы с противоправными деяниями, связанными с органами и тканями человека, важнейшим шагом в рамках которого следует назвать принятие Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г.

Указанные обстоятельства предопределили выбор рассматриваемой тематики, подтверждают ее высокую актуальность и практическую значимость.

Необходимо отметить, что большой вклад в исследование преступлений в сфере незаконного изъятия органов или тканей человека внесли такие ученые как С. Ф. Багненко, Е. А. Капитонова, О. Н. Резник, А. П. Соловьев, С. С. Тихонова и многие другие.

Цель статьи: на основе анализа теоретических положений, а также действующего законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), дать уголовно-правовой анализ преступлений в сфере незаконного изъятия органов или тканей человека.

Задача настоящей статьи: раскрыть признаки составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за незаконное изъятие органов или тканей человека по законодательству ДНР.

Действующая редакция Уголовного кодекса ДНР (далее – УК ДНР) содержит четыре нормы, устанавливающих уголовную ответственность за незаконную трансплантацию органов или тканей человека. Рассмотрим каждую из них:

1. Убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего рассматривается в уголовном законодательстве как квалифицированное убийство, предусмотренное п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР [4].

Непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, направленные на охрану жизни человека, которому причиняется смерть в целях использования его органов или тканей. Вместе с тем, в доктрине уголовного права выделяют дополнительный объект убийства в целях использования органов или

тканей потерпевшего. Так, А. Н. Наумов полагает, что дополнительным объектом данного преступного посягательства являются «общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление трансплантологии и проведение медицинских экспериментов либо отношения в сфере общественной нравственности, связанные с достойным и уважительным отношением к телу человека после его смерти» [5, с. 109].

Поскольку в своём стремлении к достижению преступного результата виновный не ограничен легальными рамками, а также в связи с тем, что использование органов или тканей не ограничивается только трансплантацией, потерпевшим от данного вида убийства может выступать любое лицо.

Характеризуя объективную сторону п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР, важно отметить, что преступление может быть совершено не только путем действия (например, причинение любых травм, несовместимых с жизнью), но и путём бездействия (например, умышленное неоказание больному своевременной помощи врачом, который не проводит реанимационные мероприятия и этим причиняет ему смерть, в результате чего становится возможным использование органов или тканей умершего).

Исходя из смысла диспозиции п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР следует, что субъект рассматриваемого преступления не обладает специальными признаками, а, следовательно, в качестве субъекта может выступать как врач, производящий над потерпевшим соответствующую операцию, так и любой другой человек, не наделенный специальными знаниями в области трансплантологии. Таким образом, исходя из общих правил, следует, что в качестве субъекта убийства в целях использования органов или тканей потерпевшего может выступать физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет.

В качестве цели преступления, предусмотренного п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР, выступает использование органов или тканей потерпевшего. Однако некоторые авторы считают необходимым дополнить рассматриваемую норму указанием на другие цели. В частности, Н. А. Колчина предлагает включить в конструкцию статьи такую цель, как «осуществление религиозных или иных культовых обрядов либо каннибализма» [6, с. 106].

По-нашему мнению, указание на другие цели в диспозиции п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР представляется необходимым. Однако делать это посредством закрытого перечня не следует, поскольку такая конструкция статьи заведомо ограничит круг общественных отношений, подпадающих под её охрану. В этой связи считаем, что наряду с такой целью, как использование органов или тканей потерпевшего, наиболее рациональным решением будет упоминание в качестве цели преступления в п. «н» ч. 2 ст. 106 УК ДНР «иного использования».

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 112 УК ДНР) [4].

Рассматриваемая норма находит свое юридическое закрепление в Главе 16 УК ДНР, поэтому непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, направленные на охрану здоровья человека.

Объективная сторона преступления сконструирована по принципу материального состава, т.е. в ней присутствует не только указание на общественно опасное деяние, но и на преступные последствия.

Деяние сводится к нанесению потерпевшему физических повреждений организма, которое может проявляться как форме действия, так и в форме бездействия.

Общественно опасные последствия подразумевают наступление у потерпевшего тяжкого вреда здоровью. Степень тяжести вреда в таком случае определяется судебно-медицинским экспертом государственного судебно-экспертного специализированного учреждения Министерства здравоохранения ДНР. В настоящее время критерии и порядок определения степени нанесенного вреда регулируются Порядком определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения ДНР от 23.08.2018 № 1480 [7].

Совершение рассматриваемого преступления отличается определённой спецификой с точки зрения момента окончания. Очевидно, что реализация цели в виде использования органов или тканей потерпевшего находится за рамками состава, поэтому для признания деяния оконченным не имеет значения проведено ли в итоге изъятие органов или тканей потерпевшего или нет.

Субъектом рассматриваемого преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. При этом не обязательно, чтобы виновное лицо обладало специальными знаниями, необходимыми для проведения операции по изъятию органов или тканей.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, поскольку у виновного лица имеется цель на совершение общественно-опасного деяния – использование органов или тканей потерпевшего.

Действуя с прямым умыслом на причинение тяжкого вреда здоровью и не желая причинения смерти, виновный своими действиями всё же может вызвать её наступление. В этом случае содеянное должно квалифицироваться по ч. 4 ст. 112 УК ДНР. В такой ситуации возникает традиционная проблема разграничения направленности умысла виновного на причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью. К сожалению, правоприменительная практика, сталкиваясь с этой проблемой, не выработала однозначного её решения, поэтому данный вопрос по сегодняшний день представляет исключительную сложность [3, с. 148].

3. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 121 УК ДНР) [4].

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком естественного права на жизнь и здоровье и обеспечивающие безопасность этих социальных благ.

В науке уголовного права определенные расхождения вызывает вопрос о допустимости оказания воздействия не только на самого потерпевшего, но и на иных лиц. Некоторые авторы полагают, что применение насилия или высказывание угроз возможно только в отношении самого лица, у которого будут изыматься трансплантаты. В то же время в науке уголовного права высказываются предположения, согласно которым принуждать человека к донорству можно и посредством воздействия на иных лиц, если таковые способны повлиять на решение потерпевшего в необходимом виновному ключе. Поэтому следует констатировать,

что потерпевшим от преступления является только потенциальный донор, но это не исключает возможности оказания противоправного воздействия на его родственников или иных близких лиц, направленного на принуждение донора к даче согласия на изъятие у него органов или тканей [3, с. 112–113].

Объективная сторона преступления включает общественно опасное деяние – принуждение к изъятию органов или тканей человека. Деяние выражается только в форме действия. Результатом такого принуждения является внешне законное согласие лица на проведение трансплантации. В отличие от преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 112 УК ДНР, органы или ткани у человека изымаются не насильственно, помимо его желания, но с его согласия, хотя и выраженного при определенных дефектах воли.

Состав преступления является формальным, и преступление следует признавать оконченным с момента совершения самих действий по принуждению, не зависимо от того, произошло ли фактическое изъятие трансплантантов.

Способы совершения преступления названы в законе: ими выступают применение насилия или угроза его применения.

Объективная сторона выражена в прямом умысле и специальной цели – трансплантация органов или тканей потерпевшего. Виновный осознает общественную опасность своих действий и желает их совершить.

Цель трансплантации сужает уголовно-правовую охрану здоровья человека от данного вида посягательств, потому что принуждение к изъятию органов или тканей возможно не только для пересадки реципиенту, но и в других целях. В этой связи считаем необходимым поддержать предложение С. С. Тихоновой об исключении из диспозиции рассматриваемой нормы указания на цель трансплантации [8, с. 82–83].

Субъектом преступления выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Обстоятельством, отягчающим ответственность за анализируемое преступление, является признак, характеризующий потерпевшего: совершение преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного.

4. Торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 129 УК ДНР) [4].

Данный состав преступления включен в Главу 17 УК ДНР «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», поэтому его непосредственным объектом являются общественные отношения, направленные на охрану личной свободы человека.

Объективная сторона торговли людьми, совершённой в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей, хотя и ограничивается только общественно опасным деянием, но является сложной. Этот признак выражается в совершении многочисленных, во всяком случае, активных действий: купли-продажи человека, иных сделок в отношении человека, а также его вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения.

Купля человека составляет его приобретение, а продажа – передачу и распоряжение других лиц. Поскольку человек не может быть объектом права, термин

«сделки» в данной норме следует понимать только фактически, юридически же перечисленные действия в отношении человека являются ничтожными.

Сходными с куплей-продажей являются передача и получение человека, т.е. его предоставление другим лицам и противоположные им действия. Перевозка означает перемещение человека из одного места в другое, даже в пределах одного населённого пункта. Укрывательство состоит в сокрытии потерпевшего при совершении указанных выше действий.

Вербовка подразумевает под собой действия, направленные на склонение человека к согласию на его использование для выполнения работ или оказания услуг.

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным, и посягательство признаётся оконченным с момента совершения указанных в УК ДНР действий. Поскольку реализация цели выходит за рамки состава, последующее изъятие у человека органов или тканей должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 106 или ст. 112 УК ДНР. Если же в ходе торговли людьми потерпевшего принуждают к изъятию у него органов или тканей, содеянное дополнительно квалифицируется по ст. 121 УК ДНР.

С субъективной стороны деяние характеризуется виной в виде прямого умысла и специальной целью, относящейся только к указанным в диспозиции статьи действиям. Виновный осознаёт общественную опасность своих действий и желает их совершить.

Субъектом торговли людьми, совершённой в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Таким образом, уголовно-правовой анализ преступлений в сфере незаконной трансплантации органов или тканей человека показал, что действующее законодательство ДНР не свободно от пробелов в части охраны общественных отношений от посягательств, направленных на жизнь и здоровье человека, и что некоторые общественно опасные деяния, связанные с незаконной трансплантацией органов или тканей человека не находят своей уголовно-правовой оценки.

Список источников

1. Багненко, С. Ф. Ключевые проблемы развития трансплантологии и задачи высшего медицинского образования / С. Ф. Багненко, О. Н. Резник // Трансплантология. – 2017. – Т. 9. – С. 192–210.
2. Соловьев, А. П. Незаконная трансплантация органов и (или) тканей человека и ее предупреждение / А. П. Соловьев // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 554–560.
3. Дорогин, Д. А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование: монография / Д. А. Дорогин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 224 с.
4. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 05.03.2021 № 256-ПНС (утв. Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 09.04.2021). – Загл. с экрана.

5. Уголовное право России / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – М.: Юрист, 2006. – 540 с.
6. Капитонова, Е. А. Правовое регулирование трансплантологии: монография / Е.А. Капитонова, О. В. Романовская, Г. Б. Романовский. – М.: «Проспект», 2016. – 144 с.
7. Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Приказом Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики от 23.08.2018 № 1480) / Официальный сайт Министерства здравоохранения Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mzdnr.ru/doc/prikaz-ob-utverzhdenii-poryadka-opredeleniya-stepeni-tyazhesti-vreda-prichinennogo-zdorovuyu> (дата обращения: 12.04.2021). – Загл. с экрана.
8. Тихонова, С. С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования / С. С. Тихонова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 317 с.

Поступила в редакцию 29.04.2021 г.

CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS OF CRIMES IN THE FIELD OF ILLEGAL REMOVAL OF HUMAN ORGANS OR TISSUES UNDER THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This article provides a criminal-legal analysis of crimes in the field of illegal removal of human organs or tissues. It is established that the current legislation of the Donetsk People's Republic is not free from gaps in the protection of public relations from encroachments aimed at human life and health, and that some socially dangerous acts related to illegal transplantation of human organs or tissues do not find their criminal legal assessment.

Keywords: organ, corpus delicti, tissue, transplantation, criminal liability.

Карпенко Людмила Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: karpenko@donnu.ru

Кривonosова Яна Евгеньевна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yana_krivososova@bk.ru

Karpenko Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: karpenko@donnu.ru

Krivososova Yana

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yana_krivososova@bk.ru

УДК 343.54

Карпенко Л. К.
Нерובה Л. Р.

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ОТ ИЗНАСИЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И СТРАН ЕВРОПЫ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В работе рассматривается отграничение насильственных действий сексуального характера от изнасилования, анализируется законодательство Донецкой Народной Республики и стран Европы в отношении исследуемой проблемы для выдвижения научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, смежные составы преступления, половая свобода, половая неприкосновенность.

Право на свободу и личную неприкосновенность – это конституционное право, закрепленное в основных законах большинства стран. Оно зафиксировано в ряде документов (Великой хартии вольностей 1215 г., Конституции Франции 1791 г., Конституции США 1787 г. и других), которые предшествовали международным соглашениям, существующим в области прав человека на современном этапе развития общества. Данное право закреплено в статье 15 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и сформулировано следующим образом: «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Эта норма охватывает, в том числе, половую свободу и неприкосновенность, т.е. право человека самому решать – с кем и в какой форме удовлетворять свои сексуальные потребности.

Уголовное законодательство ДНР устанавливает ответственность за совершение преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Актуальность темы научной работы обусловлена тем, что законодательство ДНР находится на стадии формирования. Несмотря на то, что составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера уже нашли законодательное закрепление в Уголовном кодексе ДНР (далее – УК ДНР), отграничение их вызывает трудности у правоприменителя. Считаем, что это связано с несколько искусственным разграничением очень близких по смыслу составов преступлений.

Дискуссии относительно отграничения насильственных действий сексуального характера от изнасилования длительное время не прекращаются в науке уголовного права. Базой исследования являются теоретические наработки А. А. Бимбинова,

В. Н. Воронина, Н. А. Исаевой, С. М. Маслака, А. В. Наумова, М. А. Степанова, Н. М. Паршина и иных.

Целью данной работы является сравнительный анализ законодательного закрепления насильственных действий сексуального характера и изнасилования (их соотношение) в ДНР и странах Европы для выдвижения научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства.

Статья 133 УК ДНР устанавливает уголовную ответственность за изнасилование, то есть половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Статья 134 УК ДНР закрепляет ответственность за совершение насильственных действий сексуального характера, т.е. мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) [1].

Для последующего раскрытия темы, считаем необходимым, сформулировать определения деяний, предусмотренных объективной стороной ст. 134 УК ДНР. Наряду с естественной формой удовлетворения половой потребности существуют и, так называемые, противоестественные или суррогатные формы ее реализации. Под мужеложством понимается принудительный половой акт между мужчинами, совершенный путем проникновения виновного в анус потерпевшего. Лесбиянство – это особая форма гомосексуализма, совершаемого женщинами по отношению к представителям своего пола. К иным действиям сексуального характера относятся любые формы проявления сексуальных деяний за исключением изнасилования и гомосексуальных контактов. Установление наказания за совершение таких преступлений связано не с негативной оценкой каких-либо сексуальных практик, а именно с их насильственным характером.

Статьи, рассматриваемые в данной научной работе, включены в главу 18 УК ДНР «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В доктрине уголовного права отмечают тесную связь между составами ст. 133 УК ДНР «Изнасилование» и ст. 134 УК ДНР «Насильственные действия сексуального характера». Их объединяет множество факторов: объект преступления, санкция, квалифицированные и особо квалифицированные признаки. Состав этих преступлений формальный, и они характеризуются тем, что могут осуществляться только путём действия. Но есть и отличительные признаки, которые позволили законодателю выделить эти составы в отдельные статьи.

Важным для квалификации преступления и явным отличием изнасилования от насильственных действий сексуального характера является субъект преступления. Субъектом насильственных действий сексуального характера может быть как мужчина, так и женщина. Субъектом изнасилования может быть только мужчина, следовательно, жертва в данной ситуации – лицо женского пола. Такое положение закреплено в законодательстве ДНР и некоторых других стран, но оно не является единственно существующим во всем мире.

Законодательные акты стран англосаксонской правовой системы и отдельных стран континентальной системы закрепляют нормы, в которых субъект изнасилования

не разделяют по половому признаку. Так, ч. 1 ст. 149 Уголовного кодекса Литовской Республики понимает под изнасилованием «половое сношение с человеком против его воли анальным, оральным или иным способом физического соприкосновения с применением физического насилия, или угрозой его немедленного применения, либо иным способом лишая возможности сопротивляться, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего» [2].

Часть 1 ст. 152 Уголовного кодекса Украины в целом повторяет ч. 1 ст. 133 УК ДНР за исключением одной особенности. В Уголовном кодексе Украины употребляется словосочетание «потерпевшее лицо» [3], а, следовательно, им может быть лицо как мужского, так и женского пола. В законодательстве ДНР, половой контакт между мужчиной и женщиной в естественной форме в случае применения или угрозы применения насилия женщиной по отношению к мужчине квалифицируется по ст. 134 УК ДНР, т.е. насильственные действия сексуального характера.

Отличие между насильственными действиями сексуального характера и изнасилованием проявляется и в объективной стороне преступлений. В законодательстве под термином изнасилование понимается «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». В свою очередь, насильственные действия сексуального характера представляют собой «мужеложество, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» [4].

Длительное время ученые-юристы предлагают объединить изнасилование и насильственные действия сексуального характера в единый состав преступления. Исаев Н. А. считает, что это позволит устранить гендерные различия, расширить круг субъектов преступления и криминализировать все формы сексуальной активности [5, с. 25].

Маслак С. Н. установил, что нет существенных различий в характере или степени общественной опасности изнасилования и насильственных действий сексуального характера, в связи с чем необходимо объединить эти две нормы в единый состав [6, с. 39].

Государства Европы по-разному подходят к разграничению насильственных действий сексуального характера от изнасилования: в одних странах – это единая статья, в других – уголовная ответственность за отдельные формы сексуального насилия закреплена в нескольких нормах (две и более). Например, в Уголовном кодексе Республики Болгария нормы об уголовной ответственности за насильственные гомосексуальные действия (с лицом своего же пола) выделены в самостоятельную статью (ч. 1 ст. 157 УК Республики Болгария). В свою очередь, иные действия сексуального характера не имеют четкого разграничения с развратными действиями и закреплены в ч. 2-5 ст. 149 и ст. 150 УК Республики Болгария [7].

Для нашего законодательства считаем более предпочтительным закрепление уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера и

изнасилования в одной норме, как, например, установлено в § 177 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии. Законодатель оперирует понятием «сексуальные действия» [8], которое включает в конструкцию этого параграфа изнасилование, мужеложство, лесбиянство, иные действия сексуального характера. Заслуживающим внимания является и тот факт, что оговаривается ответственность за совершение таких сексуальных действий не только между потерпевшим и преступником, но и между потерпевшим и третьим лицом. Это означает, что лицо, которое не вступало в сексуальный контакт с жертвой, а применяло к ней насилие или угрозу применения насилия, тоже считается исполнителем и несёт ответственность по § 177 без какой-либо ссылки на соучастие. Подобно регулированию в Германии, Уголовный кодекс Испании [9] имеет главу «О сексуальной агрессии», в которой не отделяются насильственные действия сексуального характера от изнасилования.

Во-первых, человеческий организм и его психологическое состояние устроены так, что в процессе естественного полового сношения он несознательно совершает и иные действия сексуального характера для сексуального возбуждения. Эти действия составляют объективную сторону насильственных действий сексуального характера. В некоторых случаях, правоприменитель не разграничивает эти два состава и ответственность наступает только за изнасилование, что нарушает принцип справедливости в уголовном праве. Во-вторых, санкция статей, которая является мерой уголовной ответственности, отражает одинаковую степень общественной опасности преступлений, что также подтверждает необходимость объединения изнасилования и насильственных действий сексуального характера в один состав.

Некоторые страны трактуют понятие «изнасилование» шире, чем в действующем законодательстве ДНР. Кроме полового сношения в естественной форме в это понятие включают и иные действия сексуального характера. В Швеции, например, к таким действиям относят «сексуальное проникновение» (любой акт сексуального проникновения, проникновение в тело, проникновение любого объекта в тело и т.д.). Это целесообразно в случаях, когда законодатель разграничивает сексуальные преступления с проникновением и без него, устанавливая разные уголовно-правовые санкции.

Таким образом, зарубежный опыт европейских государств по вопросу разграничения указанных выше составов разнообразен. Разделяя мнение Исаева Н. А., Маслака С. Н., считаем необходимым объединить насильственные действия сексуального характера и изнасилование в единый состав и изложить в следующей редакции:

«Статья 133. Изнасилование

1. Изнасилование, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), – наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет ...».

Список источников

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики с изменениями, внесенными Законом от 05.03.2021 № 256-ПНС (утвержден Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Уголовный кодекс Литовской Республики = The Lithuanian penal code: Утв. законом № VIII-1968 г. 26 сент. 2000 г. / Науч. ред. В. Павилонис; предисл. Н. И. Мацнева; вступит. ст. В. Павилониса [и др.]; пер. с лит. В. П. Казанскене. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). – 468 с.
3. Уголовный Кодекс Украины: утвержден 05.04.2001 № 2341-III / Официальный сайт Верховного Совета Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2341-14> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.
4. О практике применения судами Донецкой Народной Республики законодательства по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2016 года / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.su/pplenum/o-praktike-primeneniya-sudami-doneckoy-narodnoy-respubliki-zakonodatelstva-po-delam-o> (дата обращения: 04.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Исаев, Н. А. Системно-криминологическое исследование сексуальных преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н. А. Исаев. – М., 2009. – 46 с.
6. Маслак, С. Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. Н. Маслак. – Краснодар, 2013. – 52 с.
7. Уголовный кодекс Республики Болгария: принят Пятым Народным собранием на шестой сессии, четвертом заседании, состоявшемся 15 марта 1968 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689&am>. (дата обращения: 04.12.2021). – Загл. с экрана.
8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии: принятый 15 мая 1871 г., в редакции от 13 ноября 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&am> (дата обращения: 11.01.2021). – Загл. с экрана.
9. Обобщение практики рассмотрения судами Челябинской области уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности от 11 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chel-oblsud.ru/upload/file/reviews/criminal/reviews_on_criminal_cases_22.htm (дата обращения 04.12.2020). – Загл. с экрана.
10. Бимбинов, А. А. Некоторые проблемы квалификации насильственных преступлений против сексуальной свободы личности (статьи 131-132 УК РФ) / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин // Вопросы безопасности. – 2018. – № 6. – С. 11–17.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

**DISTINGUISHING SEXUAL VIOLENCE FROM RAPE IN THE CRIMINAL
LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND EUROPEAN
COUNTRIES (COMPARATIVE LEGAL ASPECT)**

This paper examines the distinction between sexual violence and rape, analyzes the legislation of the Donetsk People's Republic and European countries in relation to the problem under study to put forward scientifically based proposals for improving the legislation.

Keywords: rape, violent acts of a sexual nature, related elements of crime, sexual freedom, sexual inviolability.

Карпенко Людмила Константиновна

Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и
процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

e-mail: karpenko@donnu.ru

Karpenko Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Procedure
of Donetsk National University

DPR, Donetsk

E-mail: karpenko@donnu.ru

Неробова Людмила Руслановна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий Национальный
Университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: milochka1008@gmail.com

Nerobova Lyudmila

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk

E-mail: milochka1008@gmail.com

УДК 338.012

Манивлец Э. Е.
Махортов С. П.

ПЕРСПЕКТИВА ВНЕДРЕНИЯ ЗАКОНА «О ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВАХ, ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЕ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматривается перспектива законодательного регулирования оборота цифровых финансовых активов, с помощью внедрения закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Разбирается возможность и необходимость такого регулирования, а также исследуется правовая природа цифровых активов, их роль в обороте электронных денежных средств. При этом в данной статье содержится предполагаемый текст будущего закона, а также подвергается анализу экономическая природа, оборот и выпуск цифровой валюты. Кроме того, подвергается регулированию учёт и обращение вышеназванных финансовых активов посредством законодательного регулирования цифровых финансовых активов, цифровой валюты.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровые активы; законодательство; уголовная ответственность; цифровая валюта; закон; электронные денежные средства; выпуск цифровых финансовых активов.

Научный прогресс обусловил развитие и совершенствование как технологического оборудования, так и цифрового и электронного оборота финансовых активов. Следует отметить, что немаловажным фактором для контролирования эмиссии активов, со стороны государственных органов власти, является надзор за рынком цифровых активов, либо же криптовалюты.

Законодательно закреплённым в Российской Федерации (далее – РФ) является следующее определение криптовалюты – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и международной денежной или расчётной единицей, и в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных [1, с. 8].

Довольно важным в контексте данной темы является сравнение цифровой валюты (крипты) с электронными деньгами. В первую очередь, важность такого сравнения обусловлена тем, что для большинства людей электронными расчётными средствами, в настоящий период, являются привычными, а само упоминание криптовалюты вызывает туманность и неопределённость. Подобного рода сравнение может помочь понять, что же такое криптовалюта, а также причину для будущего законодательного регулирования этого новационного явления.

Относительно признаков криптовалюты, следует отметить, что различные авторы выделяют комплекс взаимосвязанных критериев, таких как:

1. владельцу принадлежит секретный цифровой ключ, который позволяет распознавать его и подтвердить различного рода процедуры (операции) с названными активами;

2. допустимость смены цифровыми финансовыми активами бумажных средств, с целью борьбы со стагнацией экономики;

3. бессрочность сохранения данных о транзакциях, названное свойство является достаточно важным с точки зрения проверки и контролирования, так как именно бессрочность гарантирует отсутствие риска утраты информации об операциях пользователя с данными активами;

4. анонимность данных о транзакциях. Важно отметить, что данный признак является достаточно противоречивым. С одной стороны, это удобство для пользователя (собственника), так как использование криптовалюты даёт полную анонимность отправителя средств и получателя, что создаёт определенную гарантию безопасности пользования такого рода активами и обеспечивает конфиденциальность для третьих лиц, прежде всего за счёт создания псевдонимов и виртуального кошелька. С другой же стороны, такого рода анонимностью злоупотребляют мошенники в корыстных и преступных целях. Из-за учащения преступных атак в сфере использования криптовалюты в Государственной думе РФ создана рабочая группа по вопросам криптовалюты. Экспертный совет при комитете по финансам Государственной думы намерен взять под контроль конвертацию криптовалюты в фиатные (фидуциарные) деньги [2, с. 256].

Вышеназванные факты представляет особую значимость для будущего контролирования и учёта цифровых активов. Так как именно данный признак наряду с противоречивым характером цифровых активов и создаёт удобство в обращении с одной стороны, и опасность использования аферистами, с другой стороны.

5. не существует возможности централизованного управления, это означает то, что отсутствует единый орган управления, который мог бы контролировать эмиссию и обращение криптовалюты, и кроме того то, что названный актив не является подконтрольным ни одному государству. Выпуск актива происходит путем майнинга (деятельность по созданию новых блоков в блокчейне, которые обеспечивают функционирование криптовалютных платформ), который невозможно отследить;

6. представляет собой открытую систему, следовательно, является доступной для каждого пользователя;

7. невозможность отмены совершенной операции, что означает недопустимость для отзыва средств или разрыва сделки;

8. значительная непостоянность курса, непредсказуемость и низкая прогнозируемость модели поведения на рынке;

9. отсутствие правового регулирования [3, с. 732].

Электронные же средства платежа имеют следующие признаки:

1. они являются безналичными финансовыми ресурсами;

2. они представляют собой легитимное средство платежа, воплощенное в национальной валюте государства;

3. статус электронных денежных средств, правила обращения с ними, а также иные аспекты использования урегулированы на законодательном уровне;

4. электронная валюта эмитирована Центральным Банком, а также контролируется государством, а значит, существует возможность для централизованного управления со стороны государственных органов [4, с. 59];

5. стабильность курса, предсказуемость и прогнозируемость модели поведения на рынке;

6. публичность данных о транзакциях, из-за наличия персональных данных о каждом клиенте, совершающем сделку.

Сравнивая цифровую валюту и электронные средства платежа, следует указать, что криптовалюта не является устойчивой в той же мере, как и электронные средства платежа, более того, цифровые активы являются нестабильными, и не имеют правового регулирования. Электронные же средства являются устойчивыми, что обусловлено их схожестью с национальной валютой государства, а также чётким правовым регулированием.

Кроме того, у цифровой валюты отсутствует единый орган управления, а, следовательно, и контроль со стороны государственных органов, а также эмиссия осуществляется путём определенной деятельности, которая обеспечивает функционирование криптовалютных платформ. Электронные же деньги являются подконтрольными, подотчетными государству, а их эмиссия осуществляется Центральным банком государства.

Однако это не значит, что цифровые активы не станут востребованными в будущем, ведь безопасность использования в совокупности с относительной легкостью в эмиссии, а также открытость для каждого нового клиента данной системы, как мне кажется, являются достаточно привлекательными для потенциального держателя.

Схожим в криптовалюте и электронных средствах платежа является порядок исполнения транзакций с помощью информационно-коммуникативных технологий [5, с. 25].

На сегодняшний день вопрос о криптовалютах на рынке ни в коей мере не урегулирован законодательством Донецкой Народной Республики (далее – ДНР). Однако в связи с тем, что с развитием технологического прогресса, развиваются также и преступные средства мошенничества с использованием, как электронных средств платежа, так и компьютерных технологий в целом; что вызывает сегодня по большей части опасение, а также неподдельный интерес, как правоохранительных органов, так и обычных граждан, которые заинтересованы в сохранении своего имущества, следует урегулировать оборот цифровых финансовых активов на территории ДНР принятием соответствующего нормативно-правового акта.

Данный акт представляет собой законодательно закреплённые положения о выпуске, учёте, обращении цифровых финансовых активов; об операторе информационной системы, в которой ведется выпуск активов; об ответственности оператора, а также правилах обмена цифровых финансовых активов и порядка их использования и согласования; а также сведения о реестре операторов обмена цифровых активов.

На основании вышеизложенного, предлагается текст закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» следующего содержания:

Статья 1. Предмет регулирования настоящего закона.

Данная статья содержала бы указание на сферу действия закона, а именно отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в ДНР.

Также необходимым в данной статье является указание определения понятия «цифровая валюта» или «криптовалюта» и «цифровой финансовый актив». И кроме того, указанием на то, что выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами, регулируются законом ДНР от 8 апреля 2016 года № 121-ІНС «О рынках и рыночной деятельности» с учетом особенностей, предусмотренных настоящим законом.

Статья 2. Выпуск цифровых финансовых активов.

Указанная статья регламентирует что права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, записи о зачислении цифровых финансовых активов указанному лицу.

Кроме того, вид и объем прав, которые удостоверяют выпускаемые цифровые финансовые активы, предусматриваются решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Статья 3. Решение о выпуске цифровых финансовых активов.

Данная статья должна содержать требования к решению о выпуске цифровых финансовых активов. А именно:

1. сведения о лице, выпускающем цифровые финансовые активы, так, для физического лица необходимыми сведениями являются: фамилия, имя, отчество, место жительства, сведения о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; для юридического лица необходимыми сведениями являются следующие: полное наименование, адрес, сведения о государственной регистрации, сведения о бенефициарном владельце, а также сведения о сайте лица, выпускающего цифровые финансовые активы, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

2. сведения об операторе информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов;

3. количество выпускаемых цифровых финансовых активов и указание предельной суммы денежных средств, которые необходимо передать в оплату выпускаемых цифровых финансовых активов, и предельного количества иных цифровых финансовых активов, которые необходимо передать в качестве встречного предоставления за выпускаемые цифровые финансовые активы, по достижении которых выпуск цифровых финансовых активов прекращается;

4. условия, при наступлении которых выпуск цифровых финансовых активов признается состоявшимся;

5. стоимость получения цифровых финансовых активов при их выпуске или порядок её определения и количество иных цифровых финансовых активов, которые необходимо передать для приобретения цифровых финансовых активов при выпуске цифровых финансовых активов, или порядок его определения;

6. дату начала размещения выпускаемых цифровых финансовых активов путем заключения договоров об их приобретении;

7. способ оплаты выпускаемых цифровых финансовых активов;

8. иные положения, которые необходимы в соответствии с настоящим законом.

Статья 4. Учёт и обращение цифровых финансовых активов.

Данная статья содержала бы указание на то, что цифровые финансовые активы учитываются в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы. А также тот факт, что записи о цифровых финансовых активах вносятся или изменяются по указанию лица, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, обладателя цифровых финансовых активов, а в случаях, предусмотренных настоящим законом.

Статья 5. Оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

В данной статье раскрывалось бы понятие оператора информационной системы, а также приводились бы критерии к правилам указанной информационной системы.

Статья 6. Требования к деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Данная статья перечисляла бы основные требования к законной деятельности оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых активов.

Статья 7. Реестр операторов информационных систем, порядок согласования правил информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Указанная статья является наиболее важной для правового регулирования цифровой валюты, так как регламентирует создание реестра операторов информационных систем, что позволило бы на законодательном уровне контролировать выпуск цифровых финансовых активов.

Статья 8. Ведение оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра пользователей информационной системы.

Указанная статья раскрывала бы деятельность оператора информационной системы по её ведению, а также управление им же реестром пользователей установленной информационной системы.

Статья 9. Ответственность оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов.

Названная статья регламентировала бы обязанность оператора возместить убытки пользователям информационной системы в соответствии с гражданским законодательством.

Статья 10. Оператор обмена цифровых финансовых активов.

В указанной статье давалось бы определение оператора обмена цифровых активов, а также перечислялись бы его основные права и обязанности относительно пользования цифровой валютой в установленной информационной системе.

Статья 11. Правила обмена цифровых финансовых активов и порядок их согласования, реестр операторов обмена цифровых финансовых активов.

В статье указывались бы обязательные содержательные элементы правил обмена цифровых финансовых активов.

Статья 12. Оборот цифровой валюты.

В указанной статье давалось бы определение выпуска цифровой валюты в ДНР, а также указывались бы лица, которые имеют право на выпуск вышеназванной валюты в ДНР.

Резюмируя всё вышеизложенное, следует отметить, что на сегодняшний день вопрос о криптовалютах на рынке ни в коей мере не урегулирован законодательством ДНР, а именно отсутствует правовое регулирование данного вида активов, что является наибольшей проблемой их использования.

Кроме того, с развитием технологического прогресса, развиваются и преступные средства мошенничества с использованием, как электронных средств платежа, так и компьютерных технологий в целом. Этот факт вызывает сегодня неподдельный интерес, как правоохранительных органов, так и обычных граждан, которые заинтересованы в сохранении своего имущества, а, следовательно, следует урегулировать оборот цифровых финансовых активов на территории ДНР принятием соответствующего нормативно-правового акта, а именно закона ДНР «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте».

Список источников

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ «» от 22.06.2020 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 15.04.2021). – Загл. с экрана.
2. Хабибуллина, Р. Ф. Деньги как объект гражданских прав / Р. Ф. Хабибуллина. – Казань, 2018. – 256 с.
3. Дронова, М. А. Основы правового регулирования криптовалюты / М. А. Дронова. – Краснодар, 2018. – 733 с.
4. Евсюков, Д. Е. Электронные деньги как новая составляющая кредитно-денежной системы / Д. Е. Евсюков. – Новосибирск, 2002. – 255 с.
5. Овсейко, С. Электронные деньги: современная концепция / С. Овсейко. – Минск, 2006. – 308 с.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

THE PROSPECT OF INTRODUCING THE LAW «ON DIGITAL FINANCIAL ASSETS, DIGITAL CURRENCY» INTO THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article discusses the prospect of legislative regulation of the turnover of digital financial assets, through the introduction of the law «On Digital financial Assets, digital currency». It examines

the possibility and necessity of such regulation, as well as the legal nature of digital assets, their role in the circulation of electronic money. At the same time, this article contains the proposed text of the future law, as well as analyzes the economic nature, turnover and issue of digital currency. In addition, the accounting and circulation of the above-mentioned financial assets is regulated through the legislative regulation of digital financial assets, digital currency.

Keywords: cryptocurrency; digital assets; legislation; criminal liability; digital currency; law; electronic money; issue of digital financial assets.

Манивлец Элина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: manel76@mail.ru

Manivlets Elina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DRP, Donetsk
E-mail: manel76@mail.ru

Махортов Сергей Павлович

Студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

Makhorov Sergey

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sergey_maxortov@mail.ru

УДК 341.01

Одегова Л. Ю.

Рудь Ю. А.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА КАК ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье представлен анализ развития международно-правовой защиты прав ребенка как одного из важнейших институтов международного права. Рассмотрена история появления и формирования прав ребенка как отдельной правовой категории в различные периоды развития человечества. Определены особенности развития, а также признания прав ребенка и системы защиты прав детей в зависимости от той или иной эпохи. Установлено, что международно-правовая защита прав детей – это объективно необходимый компонент в системе защиты прав человека в целом, в частности детей, который способствует установлению минимальных стандартов в области прав ребенка и механизмов для их исполнения.

Ключевые слова: международно-правовая защита прав детей; права детей; ребенок; Лига Наций; Женевская Декларация.

Международно-правовая защита прав детей является одним из наиболее важных элементов системы международного права, которая заключается в комплексном и эффективном поддержании полноценного развития несовершеннолетних лиц.

Всемирная история пронизана негативным опытом нарушения прав детей, умаления их роли как равноправных субъектов общественных отношений. Пренебрежительное отношение к правам и свободам ребенка было закономерным результатом экономических, политических, социальных, культурных особенностей развития государств. На протяжении целых эпох проблемы признания ребенка как личности, установления его правового статуса, предоставления особых мер охраны наслаивались одна на другую, создавая непроходимый барьер для осуществления своих прав детьми.

Несмотря на острую необходимость международного вмешательства с целью разрешения вышеперечисленных вопросов, института международной защиты прав детей продолжительное время не существовало.

Однако следует отметить, что нормы, регулирующие положение ребенка в обществе имели место в национальном законодательстве многих стран.

Так, уже в Древнем Риме, в институциях Юстиниана появились положения о материальной поддержке ребенка родителями, об имущественной самостоятельности детей, закреплении за ними права собственности, были разъяснены права незаконнорожденных детей. Римское право очертило границы гражданской дееспособности детей, закрепив базовые нормы для регулирования вопросов защиты детства от абсолютной и безграничной власти главы семьи, которая в древнем мире

имела место как национальный институт римских граждан. Государству была предоставлена роль высшего опекуна и контролера за выполнением правовых предписаний.

Средневековье можно обозначить как период со слабо развитой правовой защитой: жестокость в обращении была характерна для большинства законодательных актов этого периода. Например, «Швабское зеркало» говорит, что отец при потребности может по праву продать своих детей, но не в публичные дома и не для убийства [1, с. 165].

Также следует отметить, что в данную эпоху несовершеннолетие не относилось к основаниям, устранившим или смягчающим уголовную ответственность и наказание – одна из наиболее популярных современных гарантий обеспечения прав ребенка при отправлении правосудия.

Так, известное своей карательной направленностью Уголовное и уголовно-процессуальное уложение «Священной Римской империи германской нации», принятое рейхстагом при короле Карле V в 1532 г. («Каролина»), предусматривала смертную казнь как наказание для многих видов преступлений. Законодатель защищал от этого вида наказания несовершеннолетних, при этом суды, привлекая к ответственности и наказанию, нередко применяли смертную казнь «по совету сведущих людей», аргументируя свою позицию тем, что умысел не зависит от возраста.

Ведущая роль религиозных идей во всех сферах государственного регулирования, теологический оттенок средневекового законодательства спровоцировали формирование отношения к ребенку в обществе как к товару или рабочей силе.

Иной была ситуация в Новое время, освященное всплеском гуманизма, духовности, справедливости, равенства, возникновением мировоззрения о свободном, нравственном человеке. Нарушение прав ребенка не исчезло как негативное явление, тем не менее, аспекты защиты прав детей стали приобретать правовую окраску на мировом уровне.

Доказательством данному тезису служит комплекс законодательных актов западноевропейских стран, в которых декларируются общие принципы защиты прав человека, также по сути затрагивающие и улучшающие положение ребенка, такие как Билль о правах 1689 года в Великобритании, Конституция 1787 года в США, Декларация прав человека и гражданина в 1789 года во Франции [2, с. 98].

Впервые права детей как самостоятельный феномен были признаны во Франции в 1792 г. в документе с символичным названием «Провозглашение прав ребенка»

На положение детей в различных государствах влияли политический режим, социальная дифференциация общества, экономическое положение страны в целом. Ярким примером нарушений прав человека и детей в частности следует признать крепостное право в России как историческое явление бесчеловечности, жестокости более обеспеченного класса над малообеспеченным населением.

В целом, изменения в определении статуса ребенка в Российской империи стали проявляться только при царствовании Петра I. Но и тогда субъектом права ребенок не стал, отношение государства и общества к детям, по сути, определялось положением из Устава благочиния: «Родители суть властелины над своими детьми»,

осуществление родительской власти не предусматривало каких-либо ограничений, за исключением ряда религиозных и нравственных пожеланий [3, с. 35–36].

В России защита прав детей и их законных интересов впервые была признана с появлением в Санкт-Петербурге в 1895 году особого отдела защиты прав детей от жестокого обращения. На данный отдел в том же году была возложена государством миссия по созданию нормативно-правовой базы по урегулированию правового положения детей в Российской Империи [4, с. 80].

В капиталистической Европе жизнь ребенка во многом зависела от материального состояния семьи, наличия капитала и как следствие возможностей в дальнейшем обучать детей. Истории известны многочисленные случаи тяжелого положения детей рабочих, занятых в промышленности, которые были обречены с раннего возраста работать в невыносимых условиях труда по 14–16 часов в день.

Поэтому в конце XIX века были созданы различные организации, защищающие права ребёнка: Лондонское общество по предотвращению жестокости по отношению к детям (1884), Нью-Йоркское общество по предупреждению жестокого обращения с детьми (1871), Союз защиты детей от использования и жестокого обращения, образованный в Германии (1898) и другие [5, с. 1–2].

Соединенные Штаты Америки признано считать родиной ювенальной юстиции, поскольку именно в Чикаго в 1899 году был учрежден специальный суд для несовершеннолетних.

При этом в одной из самых демократических стран до середины XX века действовали законы, устанавливающие равную для несовершеннолетних и взрослых правонарушителей меру уголовной ответственности и наказания. Лишь в 1972 г. Верховный суд США сформулировал свою принципиальную позицию в отношении наказания несовершеннолетних преступников, заключающуюся в том, что «применение смертной казни не допускается к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 16 лет». В отношении таких лиц желательно использовать «пробацию», то есть своеобразную альтернативу лишению свободы, которая «не предполагает тюремного заключения, но ставит осужденного на определенный срок под жесткий контроль специальной службы наблюдения» [6, с. 295–296].

Первая мировая война потрясла мир масштабом жесткости и бесчеловечности, губительными последствиями в отношении гражданского населения, что в свою очередь стало толчком для переосмысления моральных и духовных ценностей, введения новых учреждений, организаций, институтов, способных урегулировать конфликты без применения насилия. Изменения не обошли стороной внезапно набирающий популярность вопрос защиты прав детей.

Впервые мировое сообщество заговорило о необходимости создания института международно-правовой защиты прав детей. Данная тема обсуждалась на Международном конгрессе по охране детей, проходившем 23–26 июля 1913 года в Брюсселе, в ходе которого ребенок был признан существом, нуждающимся в особой охране и заботе. В работе конгресса приняли участие представители 40 государств, включая Россию [7, с. 49].

В 1919 году Лигой Наций был создан Комитет детского благополучия, который рассматривал права детей в основном в контексте мер, которые нужно было принять

в отношении беспризорных детей, рабства, детского труда, торговли детьми и проституции несовершеннолетних. Большую роль в разработке социальных стандартов защиты прав ребенка сыграли неправительственные организации. В частности, в рамках деятельности Международного союза спасения детей, основанного англичанкой Эглантайн Джебб в 1923 году, была разработана декларация, содержащая условия заботы о детях. На ее основе Лига Наций приняла первый документ международно-правового характера в области охраны прав и интересов детей – Женевскую Декларацию [8].

Декларация состояла из 5 принципов и формулировала цели международно-правовой защиты детей:

- ребенку должна предоставляться возможность нормального развития, как материального, так и духовного (пр. 1);
- голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должно быть дано укрытие и все необходимое для их существования (пр. 2);
- ребенок должен быть первым, кто получит помощь при бедствии (пр. 3);
- ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование, и он должен быть огражден от всех форм эксплуатации (пр. 4);
- ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения [9].

В этот же период активизируется нормотворческая деятельность, как Лиги Наций, так и Международной организации труда. Ряд международных конвенций служит подтверждением тому, в частности: «Об определении минимального возраста для допуска детей на море» 1922 г., «О борьбе с торговлей женщинами и детьми» 1921 г., «О рабстве» 1926 г., «О минимальном возрасте найма детей в промышленности» 1937 г.

К середине XX века после Второй мировой войны под влиянием международной политики, направленной на всеобщее признание и уважение к правам и свободам человека, процесс формирования системы защиты прав детей как составляющей международного права подошел к финальному этапу.

К концу XX века после длительного переосмысления роли ребенка в общественной жизни, принятия идеи о необходимости его усиленной защиты мировое сообщество подвело следующие итоги.

Во-первых, на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в конце 1970-х годов были сделаны доклады о серьезных нарушениях, от которых страдали дети: о высокой детской смертности, недоступности детского здравоохранения, ограниченных возможностях получения базового образования. Стали известны примеры использования детей в секс-бизнесе, на вредных производствах, обнародованы данные о подростках – узниках тюрем, детях-беженцах, жертвах войн.

Во-вторых, было признано, что во второй половине XX века произошли значительные изменения в общественном мнении относительно психологических потребностей несовершеннолетних детей. Большинство людей осознало, что интересы детей необязательно должны совпадать с взглядами родителей или опекунов. Кроме

того, стало очевидным, что ко многим детям плохо относятся в их собственных семьях. Четко обозначилось явление, получившее название «садизм в детской», когда детей унижали, избивали, калечили и даже убивали родители и близкие родственники. И это было характерно для многих развитых стран мира: США, Германии, Японии, России.

Наконец, отмечалось, что дети часто становятся жертвами политического лицемерия. Политики в ходе предвыборных кампаний обязательно в качестве безотказного довода выдвигают борьбу за интересы детей, но после победы, как правило, забывают о своих обещаниях [10].

Все вышеперечисленные вопросы наталкивали на мысль о продолжении плодотворной работы над усовершенствованием системы международно-правовой защиты прав ребенка.

Исходя из вышеуказанного, следует отметить, что институт международно-правовой защиты прав ребенка является относительно молодым, несмотря на то, что объективные предпосылки его создания появились еще во времена существования античных держав. В современном мире международная защита нуждается в целенаправленном развитии, поскольку права детей в любой исторический период представляют особую ценность, как для международной общественности, так и для отдельно взятого государства.

Список источников

1. Сірант, М. М. Механізми міжнародного права щодо захисту прав дитини / М. М. Сірант // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Юридичні науки. – 2015. – № 824. – С. 164–168.
2. Никонов, К. О. Современные теоретические аспекты международно-правовой защиты прав ребёнка: дис. ... канд. юрид. наук / К. О. Никонов; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – М., 2010. – 186 с.
3. Темникова, Н. А. Защита личных прав ребенка по семейному праву России: учебное пособие / Н. А. Темникова. – Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2009. – 164 с.
4. Шишев, А. Х. Историко-правовой аспект защиты прав детей и их законных интересов / А. Х. Шишев, К. В. Наумейко // Кубанский государственный аграрный университет. – 2015. – № 4. – С. 80–83.
5. Акулова, Ю. А. История становления института защиты прав ребёнка за рубежом / Ю. А. Акулова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, январь 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 1–2.
6. Хмелевский, С. В. Международно-правовая защита детей с древности до начала второй мировой войны С. В. Хмелевский // Пробелы в российском законодательстве. – М.: Медиа-ВАК, 2012. – № 1. – С. 295–298.
7. Ханахмедова, Л. В. Международная правовая защита детей: история и современность / Л. В. Ханахмедова // Философия права. – 2016. – № 3(76). – С. 48–52.
8. Гаджиева, П. Д. История становления и развития института защиты прав детей в международном праве / П. Д. Гаджиева, М. Х. Юсуфова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2014/689/4751> (дата обращения: 03.05.2021). – Загл. с экрана.

9. Голикова, С. В. Отражение принципа приоритета семейного воспитания в международных документах / С. В. Голикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ua\87pdf> (дата обращения: 03.05.2021). – Загл. с экрана.

10. Марковичева, Е. В. История международной защиты прав ребенка / Е. В. Марковичева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Pravo/1_markovicheva%20e.v..doc.htm (дата обращения: 05.05.2021). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 12.05.2021 г.

HISTORY OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF A CHILD AS AN INSTITUTE OF INTERNATIONAL LAW

The article presents an analysis of the development of international legal protection of the rights of the child as one of the most important institutions of international law. The history of the emergence and formation of the rights of the child as a separate legal category in different periods of human development is considered. The features of development, as well as the recognition of the rights of the child and the system of protection of the rights of children, depending on a particular era, have been determined. It has been established that the international legal protection of children's rights is an objectively necessary component in the system of human rights protection in general, in particular of children, which contributes to the establishment of minimum standards in the field of children's rights and mechanisms for their implementation.

Keywords: international legal protection of children's rights; children's rights; child; The League of nations; Geneva Declaration.

Одегова Людмила Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: milaodegova@yandex.ua

Odegova Lyudmila

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: milaodegova@yandex.ua

Рудь Юлия Андреевна

Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulia120798@yandex.ru

Rud' Yulia

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulia120798@yandex.ru

УДК 341.4

Поляков В. Ю.
Московский В. В.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Статья посвящена анализу современных проблем осуществления международного уголовного правосудия, а также влиянию преступных посягательств на отправление правосудия и возможность привлечения индивидов к международной уголовной ответственности. В рамках статьи определены факторы, влияющие на эффективность института международной ответственности индивидов, а также понятие и значение преступлений против отправления правосудия в практике Международного уголовного суда.

Ключевые слова: международный уголовный суд, Римский статут, отправление правосудия, международные преступления.

Организация независимого и эффективного отправления международного правосудия является важной сферой сотрудничества государств и предпосылкой обеспечения принципа верховенства права на международном уровне. При этом, внешнее неправомерное вмешательство в процесс отправления правосудия не только подрывает авторитет международной уголовной юстиции, но и приводит к вынесению необоснованных решений, и, как следствие, нарушению прав и свобод индивидов.

Как в отечественной, так и в международной доктрине международного права проблеме исследования преступлений против международного правосудия уделяется недостаточное внимание. Комплексное исследование понятия и классификации указанных деяний содержится в диссертации Е. А. Копыловой. Проблемам совершения посягательств против отправления правосудия в рамках международных судебных процессов посвящены работы И. С. Марусина, Кс. Пакро, Г. Слоутера, Е. Н. Трикоз, О. Триффтерера, Дж. Фернандеза, У. Шаббаса. В то же время, отдельные аспекты затронутой проблематики, а именно понятие, международно-правовая классификация деяний, а также вопрос квалификации невыполнения государством обязательств по сотрудничеству с международными судебными инстанциями требуют дополнительного исследования.

Также обращают на себя внимание случаи неправомерного воздействия отдельных государств на должностных лиц Международного уголовного суда с целью повлиять на принятие решений указанным органом. Указанное, а также высокая социальная и практическая значимость затронутой проблематики обуславливают актуальность исследования выбранной темы.

Целью работы является анализ понятия и значения преступлений против отправления правосудия в практике Международного уголовного суда.

© Поляков В. Ю., Московский В. В., 2021

Эволюция национальных систем судопроизводства неразрывно связана с уголовными запретами на вмешательство в осуществление правосудия. В международном праве также признается преступность деяний, связанных с осуществлением незаконного воздействия на органы международной уголовной юстиции. Так, в соответствии со ст. 70 Римского статута МУС, суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно: а) дача ложных показаний после принятия обязательства в соответствии с п. 1 ст. 69 давать правдивые показания; б) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; в) противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний, воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний или уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору; г) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности; д) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности; е) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями [1].

Е. А. Копылова определяет преступления против отправления международного уголовного правосудия как совершаемые физическими и юридическими лицами, международными организациями и государствами противоправные наказуемые деяния, угрожающие международному миру и безопасности, а также международным отношениям, которые: 1) складываются между государствами и/или международными организациями в связи с учреждением международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; или 2) возникают в связи с расследованием и уголовным преследованием этими органами различных преступлений, назначением и исполнением наказаний за их совершение и ответственность за которые установлена международным правом [2, с. 109–110].

В качестве общего объекта преступлений против отправления международного уголовного правосудия автор рассматривает международный мир и безопасность. При этом, родовым объектом преступлений против отправления международного уголовного правосудия являются отношения, которые возникают в связи с осуществлением международной уголовной юстиции, а именно – расследованием преступлений международными судебными органами. К таким отношениям можно отнести сбор доказательств (как из общедоступных источников, так и при помощи национальных правоохранительных систем, их хранение и предоставление для рассмотрения дела в ходе судебного разбирательства.

Кроме того, преступления против отправления международного уголовного правосудия представляют собой посягательства на отношения, складывающиеся между субъектами международных правоотношений в связи с созданием международных судебных органов и обеспечением их деятельности [2, с. 311].

К субъектам преступлений против отправления международного уголовного правосудия в науке международного права относят индивидов, юридических лиц, государства и международные организации [3, с. 230].

Следует отметить, что современное международное право с момента своего создания значительно расширило сферу своего воздействия на общественные отношения, возникающие между государствами, международными организациями и другими субъектами международного права. На сегодняшний день международное право охватывает практически все сферы международных отношений, однако, необходимость исполнения международных норм нередко игнорируется субъектами международного права, что в свою очередь значительно снижает его эффективность. Во многом виной этому является преимущественно диспозитивная модель международного права, которая была избрана государствами как наиболее компромиссное решение при обсуждении и формировании массива международно-правовых норм.

Однако диспозитивную модель международного права сложно назвать универсальной, поскольку диспозитивность норм деструктивно влияет на те отрасли права, в которых требуется регулирование императивного характера. К таким отраслям относится международное уголовное право.

Международное уголовное право на сегодняшний день служит источником множества разнообразных дискуссий. Одними из ключевых дискуссионных вопросов выступают: обязательность приверженности принципам, идеям и механизмам международного уголовного правосудия со стороны субъектов международного права, а также ответственность индивидов за препятствование отправлению правосудия.

Для детального анализа данного вопроса необходимо в первую очередь определить круг субъектов, относящихся к системе международного уголовного правосудия. Из текста резолюций Совета Безопасности ООН, Уставов международных военных трибуналов, а также Римского статута Международного уголовного суда субъектами международного уголовного права являются государства и индивиды. При этом, государства в рамках международного уголовного права являются основным субъектом международного права, так как они формируют международные уголовные нормы и через своих представителей применяют их в рамках сформированных ими же судебных инстанций. Напротив, индивиды выступают в роли производных субъектов международного уголовного права, так как они не создают уголовных норм, а лишь участвуют в процессе их реализации. Не смотря на это, индивиды выступают основным субъектом международной уголовной ответственности, так как, согласно доктринам и конвенциям, государства не рассматриваются в качестве субъектов, привлекаемых к ответственности в рамках международных уголовных преступлений [4, с. 217].

Для того, чтобы привлечь индивида к уголовной ответственности за рамками национального уголовного законодательства и государственной границы, требуется детально прописанный процессуальный порядок осуществления подобного судопроизводства, а также воля государства, чьим гражданином выступает привлекаемое к международной уголовной ответственности лицо.

Первым в истории случаем международного уголовного судопроизводства стали трибуналы после Второй мировой войны. Так, государствами победителями 8 августа 1945 года было подписано Лондонское соглашение, частью которого был Устав международного военного трибунала – первого международного органа уголовного судопроизводства, получившего право преследовать индивидов за совершение преступлений против мира и человечества. Согласно статьям устава, ключевыми

органами военного трибунала являлись специальный комитет по расследованию дел и обвинению индивидов, а также непосредственно трибунал, выполнявший роль судебной инстанции. Однако указанный опыт – уголовное преследование индивида в рамках трибунала применим в современности лишь отчасти. Современные государства являются суверенными и независимыми в принятии ими тех или иных решений, в отличие от побежденной Германии, ставшей, по сути, объектом международного права.

Современным нормативным базисом осуществления международного уголовного правосудия над индивидами, совершившими международные уголовные преступления, является Римский статут Международного уголовного суда, вступивший в силу в 1 июля 2002 года. Согласно части 1 статьи 1 Римского Статута, Международный уголовный суд осуществляет свою юрисдикцию над лицами, совершившими наиболее тяжкие международные преступления, перечень которых определен в ч. 1 ст. 5 Римского статута. Согласно положениям Статута, такими преступлениями являются: преступление геноцида; преступления против человечности; военные преступления; преступление агрессии [1].

Однако, кроме определения преступлений, принципов формирования состава суда, Римский статут содержит процессуальные положения отправления правосудия, в частности, особую процедуру представления доказательств и доказывания. Правилам проведения предварительного расследования, а также правилам проведения судебного разбирательства, включая процедуры представления доказательств и доказывания, отведена ключевая роль в рамках Римского статута как ключевого документа, обеспечивающего возможность международного уголовного преследования индивидов.

Однако, несмотря на детально разработанную нормативно-процессуальную базу, привлечь лицо к международной уголовной ответственности непросто. Ключевые причины блокировки деятельности суда заключаются в подчиненности Международного уголовного суда принципам международного права и комплементарном характере Римского статута, который на сегодняшний день подписан 124 государствами, в число которых не входят крупнейшие государства, включая Китай, США и Российскую Федерацию.

По аналогии с национальными системами уголовного законодательства ключевым условием привлечения лица к ответственности за совершение преступления выступает реализация принципа презумпции невиновности путем приведения доказательств вины индивида в совершении уголовного преступления, а также соблюдения других принципов правосудия. Исходя из этого, можно сделать вывод, что нарушение хотя бы одного из общепризнанных фундаментальных принципов уголовно-процессуального законодательства ведет к невозможности осуществления правосудия в рамках Международного уголовного суда [5, с. 215].

В целях недопущения указанного государства, подписавшие Римский Статут, предусмотрели защитные механизмы от подобного рода посягательств на судебный процесс и осуществление правосудия в целом. В рамках статьи 70 Римского статута устанавливается возможность судебного преследования за совершение преступлений против отправления правосудия, которые выходят за рамки преступлений, предусмотренных статьей 5 Статута. К ним относятся: дача ложных показаний после принятия обязательства; представление заведомо ложных

или сфальсифицированных доказательств; противоправное оказание воздействия на свидетеля; создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда; оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия; вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда [6, с. 78].

Каждое из вышеперечисленных преступлений может послужить основанием для лишения свободы сроком на 5 лет или наложения штрафа, размер которого устанавливается в соответствии с правилами и процедурами доказывания.

Для того, чтобы выяснить цель наделения Международного уголовного суда полномочиями по преследованию индивидов за совершения преступлений, не входящих в четыре категории установленных положениями статьи 5 Статута, необходимо сформулировать определение понятия «преступления против отправления международного уголовного правосудия», и определить степень опасности подобных деяний и важность их пресечения в рамках современной системы международных отношений.

Согласно положениям статьи 70 Римского статута, научно-практическим комментариям к нему под преступлением против отправления международного уголовного правосудия необходимо понимать виновно-совершенное, противоправное деяние, совершаемое субъектами международных отношений направленное на создание угрозы системе международной безопасности и равно этому угрожающее международным отношениям в области: 1) формирования субъектами международного права экстерриториальных судебных органов, создаваемых с целью отправления международного уголовного правосудия, а также гарантий их деятельности; 2) осуществления процессуальных действий, связанных с расследованием и судебным рассмотрением преступлений, за совершение которых предусмотрена международная ответственность [8, с. 21].

Степень общественной опасности преступлений, направленных против отправления международного уголовного правосудия, определяется самой целью формирования и функционирования института международной уголовной ответственности и опасностью деяний, классифицирующихся как международное уголовное преступление. Совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия тесно связано с расследованием и судебным рассмотрением международных уголовных преступлений, указанных в статье 5 Римского статута. Таким образом, объектом преступлений против отправления международного уголовного правосудия выступают международные отношения по обеспечению глобального мира и безопасности [9, с. 33].

Определение понятия преступления против отправления международного уголовного правосудия, а также объекта посягательства позволяет сделать вывод о высокой степени опасности данных деяний. Совершение подобных деяний способно заблокировать процесс осуществления международного уголовного правосудия над индивидами, которые совершили тяжкие преступления, такие как геноцид, истребление, пытки и другие международные преступления, находящиеся в юрисдикции Международного уголовного суда. Таким образом, возможность Международного уголовного суда осуществлять преследование за всяческое препятствование отправлению им правосудия выступает как одна из ключевых гарантий возможности

проведения справедливого, неотложного и всеобъемлющего рассмотрения факта совершения международных уголовных преступлений с целью недопущения возможности их дальнейшего совершения и привлечения лиц, их совершивших к международной, уголовной ответственности [9, с. 165].

Подводя итог, необходимо отметить, что функционирование института международного уголовного правосудия является одним из ключевых условий поддержания глобального мира и безопасности. На сегодняшний день Международный уголовный суд является единственным экстерриториальным судебным органом, имеющим полномочия осуществлять правосудие и привлекать индивидов к международной уголовной ответственности. Однако не смотря на существование Римского статута, регламентирующего деятельность суда, принципы и порядок осуществления досудебного расследования и судебного разбирательства, эффективность Международного уголовного суда остается крайне низкой.

Так, эффективная деятельность Международного уголовного суда невозможна в виду нарушения им принципа недопущения посягательств на суверенитет государства, преимущественно в форме осуществления преследования граждан той или иной страны за совершение особо тяжких международных уголовных преступлений, а также в виду диспозитивного характера международного права, позволяющего государствам по своему усмотрению принимать на себя те или иные обязательства, в том числе, в рамках реализации международного уголовного правосудия. Кроме того, отдельного внимания заслуживает опасность преступного влияния на Международный уголовный суд путем совершения преступлений против отправления международного уголовного правосудия, совершение которых в совокупности с изложенными выше причинами может заблокировать единственный существующий на сегодня способ привлечения индивидов к международной уголовной ответственности. В целях конкретизации инструментария Международного уголовного суда для пресечения любого преступного посягательства направленного на отправление им правосудия было конкретизировано понятие преступления против отправления международного уголовного правосудия и определена его роль в обеспечении работоспособности института международной уголовной ответственности индивидов и международного уголовного права в целом.

Список источников

1. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.: текст документа A/CONF.183/9. – Рим, 1998 / Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 29.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Копылова, Е. А. Преступления против отправления международного уголовного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Е. А. Копылова. – М., 2017. – 233 с.
3. Трикоз, Е. Н. Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве / Е. Н. Трикоз // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. – С. 227–236.
4. Каюмова, А. Р. Механизм позитивной комплементарности в современной практике международного уголовного суда / А. Р. Каюмова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pozitivnoy-komplementarnosti-v-sovremennoy-praktike-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda> (дата обращения: 15.02.2021). – Загл. с экрана.

5. Костенко, Н. И. Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции: дис. ... докт. юрид. наук / Н. И. Костенко. – М., 2002. – 406 с.
6. Черниченко, С. В. Теория международного права / С. В. Черниченко. – Т. 2. – М.: Изд-во «НИМП», 1999. – 114 с.
7. Рабаданова, А. А. Международное уголовное правосудие становление, современное состояние, перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А. А. Рабаданова. – М., 2006. – 24 с.
8. Бирюков, П. Б. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук / П. Б. Бирюков. – Казань, 2001. – 42 с.
9. Белый, И. Ю. Проблемы назначения наказаний и исполнения приговоров Международного уголовного суда / И. Ю. Белый // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы; под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Триков. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 389 с.

Поступила в редакцию 23.02.2021 г.

THE ROLE OF CRIMES AGAINST THE ADMINISTRATION OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE IN THE WORK OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

This study is devoted to the analysis of modern problems of the effectiveness of the implementation of international criminal justice, as well as the impact of criminal encroachments on the administration of justice on the possibility of bringing individuals to international criminal responsibility. The article reveals the factors that affect the efficiency of the institution of international responsibility of individuals, defines the concept and meaning of encroachments on the administration of justice in the framework of its implementation through the International Criminal Court.

Keywords: international Criminal Court, Rome Statute, administration of justice, international crimes.

Поляков Виталий Юрьевич

Кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Polyakov Vitaliy

PhD in Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and International
Law of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: pkvitaliy@inbox.ru

Московский Владислав Валериевич

Студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: vladislav.mosckovsky@yandex.ru

Moskovsky Vladislav

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: vladislav.mosckovsky@yandex.ru

УДК 343.3/.7

Тимошенко Н. И.
Гокунь Ю. С.

МОТИВАЦИЯ И РОЛЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БЕСКОНТАКТНОМ СБЫТЕ НАРКОТИКОВ

Статья посвящена изучению мотивации и роли несовершеннолетних и молодёжи в бесконтактном сбыте наркотических веществ. Проанализированы факторы, мотивирующие несовершеннолетних и молодёжь на участие в преступных сетях, занимающихся бесконтактным сбытом наркотиков. Определено, что каждый участник преступной сети имеет свои права и обязанности, предоставляемые ему гарантии минимальной фиксированной оплаты в зависимости от объёма его полномочий и эффективности работы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, молодёжь, роль, мотивация, бесконтактный сбыт наркотиков.

Появление новых видов наркотических и психоактивных веществ, их повсеместная реклама и распространение с помощью онлайн-технологий, активное использование электронных платежных систем и бесконтактных методов продажи запрещённых веществ и многое другое указывает на новый этап в истории незаконного оборота наркотиков. Необходимо отметить, что усугубляет сложившуюся ситуацию и увеличение количества несовершеннолетних и молодёжи, употребляющих наркотики и психоактивные вещества, а также увеличение количества лиц из данных возрастных категорий, занимающихся их незаконным оборотом. Высокая криминальная активность несовершеннолетних в сфере бесконтактного оборота наркотиков [1, с. 147–157] вызывает необходимость в проведении исследования, конечной целью которого является определение мотивации несовершеннолетних, повлиявшей на принятие ими решения об участии в бесконтактном сбыте наркотиков, а также в установлении роли, выполняемой ими в этом процессе.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению анализируемой проблемы, считаем целесообразным определить, каких лиц следует считать несовершеннолетними, а какие молодёжью. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ, несовершеннолетними являются лица, которые на момент совершения преступления находились в возрасте от 14 до 18 лет [2]. Нижняя грань в 14 лет связана с минимальным возрастом уголовной ответственности по некоторым преступлениям. Уголовный Кодекс Российской Федерации не содержит такого понятия как молодёжь, в связи с чем необходимо обратиться к другим нормативно-правовым актам. Согласно Федеральному закону № 98 «О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений», нижний предел возрастных рамок молодёжи составляет 14 лет, а верхний – 35 лет включительно [3].

© Тимошенко Н. А., Гокунь Ю. С., 2021

Ранее к категории молодёжь относились лица, находящиеся в возрасте до 30 лет. Решение о поднятии верхней возрастной границы было принято депутатами Государственной Думы 23 декабря 2020 года [4]. К несовершеннолетним же ФЗ № 98 относит лиц младше 18-тилетнего возраста, что соответствует Уголовному кодексу Российской Федерации.

В свою очередь, способы, посредством которых осуществляется незаконный оборот наркотиков, начали эволюционировать подстраиваясь под происходящие в обществе изменения. Так, распространение и популяризация Интернета непосредственно повлияла и на незаконный оборот наркотических средств. Интернет, как информационно-телекоммуникационная сеть, представляет собой технологическую систему, выполняющую работу, направленную на передачу по линиям связи информации, доступ к которой возможно получить при использовании вычислительной техники [5]. Из этого следует, что предназначение электронной сети заключается в передаче и получении информации посредством использования проводных и беспроводных систем. Не возникает никаких сомнений в том, что Интернет создавался в благих целях и его использование изначально предполагало получение быстрого доступа к любой информации в образовательных и научных целях, а также для всестороннего развития личности. Однако, с течением времени ситуация изменилась, и общественно полезная технология подверглась процессу криминализации [6, с. 160–163], в частности, получила ключевую роль в осуществлении незаконного оборота наркотиков.

Отметим, что рост количества несовершеннолетних и молодёжи, занимающихся бесконтактным сбытом наркотических средств с использованием Интернета, объясняется тем, что указанные категории лиц наиболее активно используют данную информационно-коммуникационную сеть. Становление Интернета ведущим каналом по распространению наркотических веществ обусловлено сразу несколькими факторами. Информационно-телекоммуникационные сети позволяют владельцам аккаунтов и Интернет-магазинов не только применять повышенные меры безопасности и конспирации, но и оперативно осуществлять поиск «продавцов» и «покупателей», организовывая при этом не просто кустарные точки, а огромный рынок, постепенно перерастающий в региональный маркетинг.

На укрепление и усиление позиций бесконтактного сбыта наркотических веществ как способа осуществления наркоторговли в значительной степени влияет желание несовершеннолетних и молодёжи быстро и без особых усилий не просто получить прибыль [7, с. 180–185], но и сделать это в значительном размере. Наличие амбиций и отсутствие постоянного источника заработка выступают в качестве некой движущей силы по разрешению проблемы получения денежных средств. Как следствие, это обуславливает привлечение в преступную сеть новых участников.

Незаконный оборот наркотических средств в сети Интернет реализуется в несколько этапов, которые условно можно поделить следующим образом: 1) создание аккаунта, группы в социальных сетях либо Интернет-магазина для рекламирования товара и поиска потенциальных клиентов; 2) непосредственное размещение рекламных записей с изображением наркотических средств с указанием их цены; 3) поиск покупателей и общение с ними посредством переписки либо звонков через социальные сети [8, с. 103–106], осуществляемый обязательно на бесконтактной основе, т.е. без личных встреч.

На этом этапе «продавец» сообщает стоимость «товара», интересующего клиента, и порядок его оплаты; 4) перечисление денежных средств «покупателем» на счёт «продавца» «продавец» сообщает место, где спрятана так называемая закладка.

В этом процессе несовершеннолетние и молодёжь могут присутствовать на каждом этапе и выполнять различные функции. Особое значение в преступной сети, занимающейся бесконтактным сбытом наркотиков через Интернет, имеет распределение ролей [9, с. 353–367]. При этом, обязательно должна быть соблюдена иерархия организованной преступной группы, занимающейся бесконтактным сбытом наркотиков. Деятельность одних лиц заключается в осуществлении общего руководства, на других возложена обязанность по заказу и получению наркотических средств от поставщиков либо же по их разработке (созданию) и изготовлению в зависимости от специфики сети, занимающейся бесконтактным сбытом запрещённых веществ, третьи фасуют их, остальные распределяют наркотики. Затем происходит доставление наркотических средств «мелкооптовым продавцам», которые через своих помощников передают их «закладчикам», а те прячут их в специальных местах, тем самым доставляя клиентам. В некоторых случаях такое звено как «мелкооптовые продавцы» может отсутствовать.

Создателями аккаунтов, групп в социальных сетях и Интернет-магазинов, осуществляющих торговлю наркотиками, зачастую являются лица старше восемнадцати лет. Они руководят деятельностью всей преступной группы и управляют ею, а также следят за надлежащим функционированием странички, группы в социальной сети и Интернет-магазина. Однако нередко молодёжь выступает в роли «продавца» либо же «закладчика». Лицам, не достигшим 18 лет, отводится выполнение работы «закладчиков».

Вполне специфической на наш взгляд следует признать функцию по выполнению некоторыми лицами, осуществляющими сбыт наркотиков через Интернет, некой аналитики. Так, в рассматриваемых преступных синдикатах имеются лица, единственной обязанностью которых является изучение спроса. Это связано с необходимостью определения тех видов наркотиков, которые получили статус наиболее «популярных» и употребляемых. Заметим, что работа по анализу рынка спроса возложена не на несовершеннолетних, а на лиц более старшего возраста как на более понимающих.

Права и обязанности каждого участника преступной сети предоставляют ему гарантии получения оплаты, начисляемой в зависимости от объёма его полномочий и эффективности работы. Например, «продавцы» получают прибыль от количества наркотиков, проданных ими, а «закладчики» – соразмерно сделанным ими закладкам.

Следует отметить, что в криминальной системе бесконтактного сбыта наркотиков особое значение уделяется вопросам конспирации как средства обеспечения безопасности не только какого-то конкретного субъекта, но и всего синдиката. Многие его участники не знакомы между собой, т.к. они никогда лично не контактировали, поскольку в некоторых случаях перемещение наркотиков практически на каждом этапе происходит посредством «закладок» [10, с. 83–86].

Лица, относящиеся к молодёжи и несовершеннолетним, чаще используют социальные сети и лучше представителей остальных возрастных категорий разбираются в электронных платёжных системах, что имеет огромное значение для конспирации и обеспечения безопасности всего преступного синдиката. Поддержание связи между

поставщиками, оптово-розничными реализаторами и клиентами в целях конспирации реализуется посредством компьютерных программ «Whatsapp» «Telegram», «Viber», «ISQ», «WICKR», «JABBER», «SKYPE».

Использование наркоторговцами электронных платёжных систем связано с минимальными требованиями, предъявляемыми к процедуре прохождения идентификации личности, необходимой для открытия электронного средства платежа (так называемого «кошелька»). Сами же электронные платёжные системы характеризуются удобством управления имеющимися счетами и разветвленной сетью терминалов. Использование безналичной формы оплаты за наркотические средства представляется возможным благодаря электронным платежным системам «QIWI», «WebMoney», «Яндекс. Деньги», «Золотая корона» и др. Они позволяют переводить деньги как со стационарных, так и с мобильных каналов связи, используя при этом различные устройства [11, с. 261–267].

Использование Интернета и других информационно-телекоммуникационных сетей, возможность произвести оплату за запрещённые вещества дистанционным способом, чёткая иерархичность и строгое распределение ролей свидетельствуют о росте уровня профессионализма членов преступного синдиката, что, к сожалению, трактуется несовершеннолетними и молодёжью весьма положительно и расценивается как фактор, способствующий их вовлечению в деятельность преступной группы. Указанные обстоятельства существенно усложняют процесс проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление незаконного оборота наркотических средств [12, с. 86–88], а значит значительно затрудняет проведение расследования уголовных дел.

Список источников

1. Тепляшин, П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П. В. Тепляшин // Lex russica. – 2017. – № 10(131). – С. 147–157.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.
3. О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений: Федеральный закон № 98 от 28.06.1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9012158> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.
4. Закреплен новый возраст молодежи / Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/50394/> (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 01.04.2021). – Загл. с экрана.
6. Рогозин, В. Ю. Криминализация Интернета и WEB технологий / В. Ю. Рогозин, С. Б. Вепрев // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 3(13). – С. 160–163.
7. Тимофеев, С. В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути решения / С. В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 4(8). – С. 180–185.

8. Тактоева, В. В. Некоторые особенности документирования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных бесконтактным способом и предоставления материалов оперативно-розыскной деятельности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела / В. В. Тактоева // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2(10). – С. 52–56.
9. Гулиева, Н. Б. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ через Интернет: судебная практика Кемеровской области / Н. Б. Гулиева, Р. Г. Драпезо, В. Н. Шелестюков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 353–367.
10. Поляков, В. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений / В. В. Поляков, М. В. Кондратьев // Известия АлтГУ. – 2015. – № 2(86). – С. 83–86.
11. Помелов, А. А. Некоторые вопросы документирования сбыта наркотических средств с использованием сети «Интернет» / А. А. Помелов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI международной науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. – С. 261–267.
12. Чистанов, Т. О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств / Т. О. Чистанов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – Ч. 1. – № 11(53). – С. 86–88.

Поступила в редакцию 26.04.2021 г.

MOTIVATION AND ROLE OF MINORS AND YOUTH IN CONTACTLESS SALES OF DRUGS

This article is devoted to the study of the motivation and role of minors and youth in the contactless sale of narcotic substances. The factors that motivate minors and young people to participate in criminal networks engaged in the contactless sale of drugs are analyzed. It has been determined that each member of the criminal network has its own rights and obligations, providing him with guarantees of a minimum fixed payment, depending on the scope of his powers and work efficiency.

Keywords: minors, youth, role, motivation, contactless drug sales.

Тимошенко Нина Александровна
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Гокунь Юлия Сергеевна
Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

Gokun Julia
Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 343.35

Тимошенко Н. А.

Кулик И. С.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В данной работе проведено исследование проблемных аспектов антикоррупционной профилактики как элемента противодействия коррупции. Установлено, что востребованность профилактических мер противодействия коррупции на данном этапе развития личности, общества и государства достигла высокого уровня, что связывается с возможностью ослабления или нейтрализации коррупциогенных факторов. Игнорирование проблемных вопросов профилактики наносит непоправимый ущерб авторитету государства в целом, а их положительное решение – наоборот, будет способствовать оптимизации данного процесса.

Ключевые слова: противодействие, профилактика, коррупция, борьба, преступность.

В современных реалиях развития личности, общества и государства в целом, существует множество причин возникновения коррупции. Связывается это в первую очередь с тем, что с древнейших времен власть и коррупция были неразделимы, иными словами – с зарождением власти параллельно появляются и коррупционные риски, что и является основной актуальной проблемой. Хотя искоренить коррупцию на данном этапе считается невозможным, однако противодействовать ей, в частности – проводить мероприятия по ее профилактике (что и является важнейшей составляющей деятельности по противодействию) является одной из приоритетных задач государства в целом.

Коррупция является социально-правовым явлением, имеющим многовековую историю, и проявляется в определенной степени в каждом государстве современного мира. Определение «коррупции» берет свое начало от латинского слова «corruptio», которое переводится как «подкуп, порча», а однокоренным словом является «коррозия» [1, с. 19]. Исходя из этого, соответственно, сущность коррупции – определенные коррозионные вопросы в обществе и государстве, связанные с подкупом должностных лиц.

В большинстве своем коррупция рассматривается учеными как социальное явление, которому свойственен подкуп – продажность государственных и иных служащих, принятие ими материальных или нематериальных благ, получение которых возможно лишь благодаря использованию вышеперечисленными лицами официального статуса, даруемого государством, а также связанных с этим статутом связей, возможностей и авторитета [2, с. 3].

Однако подобное понимание считается весьма ограниченным, ведь действительно, как уже было сказано ранее, коррупция – явление социально вредное.

© Тимошенко Н. А., Кулик И. С., 2021

И исходя из этого, оно может присутствовать во всех видах общественных отношений и сферах жизнедеятельности человека. Масштабы негативного влияния коррупции необъятны: начиная от создания напряженности в обществе и дестабилизации общественного порядка, оканчивая снижением авторитета государственной власти и созданием угрозы национальной безопасности.

Применительно к сегодняшним реалиям, коррупция раскрывается посредством перечисления некоторых противоправных действий, являющихся наиболее часто совершаемыми и типичными для коррупции, закреплены они в главе 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (получение взятки, дача взятки, злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог).

Профилактика коррупции представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых государственными органами власти, направленных на устранение причин и условий, способствующих развитию коррупции на определенной территории. Говоря иными словами, профилактика имеет своей целью позитивное воздействие на преступления против государственной власти и интересов государственной службы, сведение их к минимально возможному пределу. Если преступление сравнивать с «болезнью», то профилактика действует на опережение, воздействуя не на саму болезнь, а на истоки ее возникновения. Именно поэтому роль профилактики и ее меры призваны ослабить или даже нейтрализовать коррупциогенные факторы.

Профилактика коррупции – не только первоначальный элемент противодействия, но и наиболее значимый. Ведь особенностью взяточничества является его высокая степень латентности. Большинство практических сотрудников и специалистов считают, что латентность взяточничества составляет около 95 % [3, с. 321]. И именно поэтому вести борьбу с коррупцией (выявление, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений) считается весьма затруднительным, в связи с чем является целесообразным переместить вектор деятельности по противодействию с репрессивной на профилактическую. Кроме этого, коррупционные правонарушения являются наиболее тяжело доказываемыми составами преступлений. Связывается это с рядом причин:

- отсутствие традиционных следов преступления (их недостаточность);
- завуалированность предмета взятки в некоторых случаях;
- разнообразие способов совершения (подарок на день рождения, неэквивалентные выплаты за услуги различного характера, выполнение ремонтных работ без оплаты и т. д.);
- конфиденциальность общения двух или более лиц;
- сложность фиксации действий взяточдателя и взяточника (например, взятка-благодарность, которая не обговаривается заранее).

Профилактика коррупции, преследующая цель защиты личности, общества и государства от противоправных коррупционных посягательств, представляет собой комплекс мер воздействия, закрепленных в законодательстве. Стоит отметить, что в Донецкой Народной Республике отсутствует Закон «О противодействии коррупции», в отличие от Российской Федерации [4], в котором отдельная статья посвящена правовой регламентации профилактических мер, направленных на предотвращение

коррупции в России, однако и там не все настолько идеально. Проанализировав данную норму права, можно прийти к выводу о том, что отсутствует конкретика в сущности вышеуказанных мер. Исходя из этого, считается целесообразным привести некоторые наиболее значимые меры из этого перечня, раскрыв их содержание:

1. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. С точки зрения криминологии закреплённая мера является скорее деятельностью в сфере противодействия коррупции и полностью раскрыться она может, в первую очередь, лишь благодаря мерам правового посвящения, воспитания и обучения (воспитание у правоприменителей уважительного отношения к закону, регулярное информирование граждан о негативных последствиях нарушения уголовно-правового законодательства, повышение качества образовательных программ в области юриспруденции и др.).

Говоря иначе – данная мера направлена на социализацию индивида, реализуемая в основном благодаря улучшению антикоррупционного образования (формирование у детей и подростков нравственных и моральных принципов, что в последствии не позволит им быть участником коррупционных отношений).

2. Антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов. С помощью этой меры выявляются недостатки нормативно-правовых актов, которые хоть и не противоречат действующему законодательству, но могут привести к тому, что человек с низкой правовой культурой сможет получить выгоду от применения этого акта [5, с. 91]. Говоря иными словами, цель антикоррупционной экспертизы – устранить положения, содержащие в себе коррупциогенные факторы, которые позволят правоприменителю злоупотреблять ими для собственных целей.

3. Предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами. Применительно к Донецкой Народной Республике, подобная мера уже закреплена и отражена в некоторых нормативно-правовых актах, в частности в Законе Донецкой Народной Республики «О прокуратуре», «О статусе судей» и ряде других, из-за чего происходит смешение понятий и дублирование уже закреплённых правовых положений. Исходя из этого, к кадровым мерам необходимо отнести «рычаги», действующие более эффективно, к числу которых относятся:

- привлечение на службу квалифицированных специалистов с высоким уровнем правосознания и правовой культурой;
- повышения уровня оплаты труда и социальной защищённости должностных лиц;
- совершенствование подбора кадров в государственном аппарате с одновременным увольнением должностных лиц, допустивших систематическое нарушение даже этических норм поведения, связанных с осуществлением должностных полномочий, определённых законодательством;
- создание специализированного исполнительного органа по реализации антикоррупционных программ [6, с. 14].

Далее стоит затронуть правовые меры, к числу которых следует отнести:

– ужесточение мер уголовного преследования за правонарушения коррупционной направленности с одновременным повышением ответственности за непринятие мер, связанных с устранением причин коррупции;

– принятие мер, направленных на привлечение граждан и должностных лиц к более активному участию в противодействии коррупции;

– создание единой системы дозволенных, ограничений и запретов, обеспечивающих предупреждение коррупции в определенной области;

К социально-экономическим мерам относятся наиболее «прозрачные», однако сложно реализуемые на практике, к примеру: создание таких рабочих мест, на которых должностные лица, опасаясь потерять их, не будут совершать коррупционные правонарушения; увеличение заработных плат с одновременным повышением контроля за доходами и расходами, а также признанием основания для освобождения от занимаемой должности в случае факта не предоставления сведений о доходах и расходах, включая заведомо ложное или неполное предоставление сведений.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что игнорирование проблемных вопросов профилактики коррупции наносит непоправимый ущерб авторитету государства в целом, а не отдельным субъектам, совершаемых коррупционных правонарушений. А их положительное решение, наоборот, будет способствовать оптимизации данного процесса.

Список источников

1. Межведилов, А. М. Противодействие коррупции: учебное пособие / А. М. Межведилов, Л. Т. Бакулина, И. О. Антонов [и др.]. – Казань, 2016. – 192 с.
2. Грибаева, Г. Р. Антикоррупционная политика: учебное пособие / Г. Р. Грибаева, Н. Н. Клинцева, М. А. Мыльник [и др.]. – Казань, 2016. – 136 с.
3. Шепитько, В. Ю. Криминалистика: курс лекций / В. Ю. Шепитько. – Харьков, 2003. – 352 с.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020 № 143-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Пашаев, Х. П. Повышение уровня правосознания граждан и популяризация антикоррупционных стандартов поведения: учебное пособие / Х. П. Пашаев, Э. Х. Пашаева. – Горно-Алтайск, 2018. – 234 с.
6. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты / В. В. Астанин. – М., 2009. – 382 с.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

ANTI-CORRUPTION PREVENTION AS AN ELEMENT OF COUNTERACTION FOR CORRUPTION

This work studies the problematic aspects of anti-corruption prevention as an element of combating corruption. It was found that the demand for preventive measures to combat corruption at this stage of development of the individual, society and the state has reached a high level, which is associated with the possibility of weakening or neutralizing corruption-generating factors. Ignoring the problematic

issues of prevention causes irreparable damage to the authority of the state as a whole, and their positive solution, on the contrary, will help to optimize this process.

Keywords: counteraction, prevention, corruption, combat, crime.

Тимошенко Нина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Кулик Иван Сергеевич

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kulik2313@mail.ru

Kulik Ivan

Law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: kulik2313@mail

УДК 342.72/.73

Хоруженко К. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ

Статья посвящена исследованию особенностей реализации информационной политики Донецкой Народной Республики в условиях глобального пространства; анализу моделей регулирования деятельности СМИ; определению факторов, влияющих на регулирование информационных потоков, воздействующих на индивидуальное, групповое и массовое сознание.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиапространство, информационное право, информационные потоки, public broadcasting, регулирование деятельности СМИ.

В условиях глобального пространства не представляется возможным информационная изоляция, усложняется процесс регулирования медиапространства. В современном мире существует целый арсенал разнообразных средств воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание. Это, прежде всего, Интернет и нанотехнологии, различные формы подачи информации с помощью средств массовой информации (далее – СМИ).

В период формирования новых экономических условий основной составляющей воздействия власти на общественность является осуществление информационной политики государства для организации социально-политического процесса. Данное воздействие для демократического государства является основополагающим, закрепляется конституционной нормой и, как правило, воплощается с помощью СМИ.

Информационную политику, проводимую государством, принято воспринимать как своеобразный барометр общеполитического курса [1, с. 22]. Исследованию особенностей реализации информационной политики Донецкой Народной Республики, определению факторов, влияющих на регулирование информационных потоков, посвящена данная статья.

Новый вектор развития молодой Республики ведет к интенсивному формированию гражданского общества. Постепенно определяются правила и условия функционирования рынка информационных услуг в Донецкой Народной Республике. Осуществление глубоких социально-экономических и политических преобразований при переходе к правовому демократическому государству с рыночной экономикой реализуется только благодаря одновременным качественным изменениям информационной среды: информационно открытое общество и информационно прозрачная государственная власть. В складывающейся системе воздействия организуются институты по связям с общественностью (пресс-службы, пресс-секретари, управления по связям с общественностью), которые призваны не только давать объективную информацию, но и влиять на формирование общественного мнения.

© Хоруженко К. А., 2021

В ДНР создаются максимальные возможности для эффективной работы в информационном пространстве. Власть заинтересована в осуществлении национальных проектов, максимально качественной реализации интересов электората. Духовные и политические факторы являются неотъемлемой частью жизни общества, оказывают прямое влияние на образ мышления и поведение граждан.

Право на информацию каждое демократическое правовое государство закрепляет конституционной нормой. Статья 22 Конституции Донецкой Народной Республики гарантирует каждому гражданину свободу мысли и слова, право свободно получать, передавать, потреблять и распространять информацию всяким законным способом. В Республике создаются условия, обеспечивающие свободу массовой информации, налагается запрет на популяризацию или агитацию, ведущие к социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражде, воспрещено пропагандировать социальное, расовое, национальное, религиозное или языковое превосходство. Не допустимо принуждение к выражению каких бы то ни было мнений или убеждений, либо к отказу от них [8]. Конституционное право закреплено Законами ДНР «О средствах массовой информации», «Об информации и информационных технологиях», «О телекоммуникациях», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об обращениях граждан» [2–6].

В Законе ДНР «Об обращениях граждан» оговаривается, что граждане Республики имеют право обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления, к должностным лицам в соответствии с их функциональными обязанностями. Обращения могут содержать замечания, жалобы, предложения или ходатайства относительно реализации социально-экономических, политических и личных прав для защиты законных интересов [3].

Закон ДНР «О средствах массовой информации» предусматривает порядок реализации права каждого на доступ к информации, представляющей общественный интерес. Закон определяет право на свободное получение, использование, распространение, хранение и защиту информации, необходимой для реализации своих прав, свобод и законных интересов [5].

Осуществление права на информацию не должно нарушать общественные, политические, экономические, социальные, духовные и другие права, свободы и законные интересы граждан государства [7, с. 125].

К сожалению, на сегодняшний день в Республике отсутствуют критерии адекватного оценивания информационного воздействия, имеющего пропагандистский характер.

Новая социально-экономическая ситуация, реально формирующаяся в процессе реформирования, ведет к необходимости адекватной трансформации всей системы государственного управления. Принципиально новым в изменении системы информационного взаимодействия между гражданским обществом и властью становится ориентация на открытый диалог, возможность которого обеспечивают СМИ, постоянно информируя о деятельности власти, обеспечивая гласность обсуждения животрепещущих вопросов и отражая реакцию общества. Полноценный обмен информацией предоставляет возможность для свободной и достойной жизнедеятельности человека.

Циркуляцию информации в обществе осуществляют СМИ, используя различные формы: периодические печатные издания, телевизионные, радио- и другие программы, влияющие на формирование общественного мнения. СМИ нацелены на неограниченный круг лиц и предназначены для поиска, получения, передачи, производства и распространения информации.

В государственно-организованном обществе СМИ, являясь серьезной общественной силой и важным орудием власти, применяют технические средства коммуникации, в частности телевидение, решают воспитательные задачи, занимаются пропагандой и агитацией, выполняют идеологический заказ различных государственных организаций.

На современном этапе основными моделями регулирования деятельности СМИ считаются следующие:

- 1) этатистская, когда государство имеет регулирующую роль;
- 2) рыночная (коммерческая), когда СМИ находятся в частной собственности;
- 3) public broadcasting (общественное вещание), когда функционирование СМИ происходит под контролем общественных советов и финансируются за счет платы абонентов [11, с. 109].

Этатистская модель строилась на полной монополии государства на медийные средства и функционировала в Советском Союзе и социалистических странах в прошлом веке. Идеологический и кадровый контроль осуществляло государство. Финансирование деятельности СМИ велось за счет бюджетных средств. Все это неизбежно приводило к ограничению свободы слова. К положительному фактору в этой модели можно отнести отсутствие коммерческого интереса. Главным предназначением этатистской модели был социальный контроль при эффективной легитимации власти.

Рыночная модель подразумевает, что основные медиатрансляторы (телеканалы, радио, пресса) находятся в частном владении и в своей деятельности руководствуются соображениями коммерческой выгоды. К отрицательным факторам, влияющим на ее деятельность, необходимо отнести влияние и нажим на журналистов со стороны владельцев, обеспечивающих свои коммерческие интересы. Основным продуктом при использовании этой модели – развлекательный, нацеленный на привлечение массовой аудитории.

В настоящее время во многих странах (например, США) усиливается регулирующее воздействие на частные вещательные каналы с помощью Федеральной коммуникационной комиссии (FCC). Кроме того, активно развиваются государственные каналы, которые финансирует бюджет (например, канал RTN).

Public broadcasting появляется в Великобритании в 1920-е годы XX века, когда Дж. Рейт создает общественную радиовещательную корпорацию Би-Би-Си. Для реализации принципа справедливости и равного доступа к СМИ руководство корпорации определяет ее основные цели: беспристрастно информировать, просвещать и развлекать. Вся работа должна быть подотчетной аудитории, ее финансирующей, и выполняться ответственно. Планировалось существенно повысить профессиональный уровень вещательной корпорации, достичь баланс между интересами общества и государства, ограничив стихийный рынок и поставив деятельность масс-медиа на службу национальным интересам и традициям.

Общественной модели вещания принадлежит центральное место в таких европейских странах, как Канада (CBC, SRC), Германия (ARD, ZDF), Бельгия (VRT), Франция (ORTF-1, ORTF-2, La Cinquième), Норвегия (NRK), Дания (DR), Швеция (SR, SVT) и другие. Следует отметить, что в этих странах существуют и коммерческие каналы.

Деятельность мировых СМИ, как правило, представлена сочетанием показанных моделей, в соответствии с характерными особенностями каждой определенной страны, имеющей свои характерные особенности, предполагающие сочетание в разных пропорциях частного, государственного и общественного секторов.

В последние десятилетия в России реализовывались различные концепции оригинального информационного поля. Сегодня можно говорить о сложившейся в РФ смешанной государственно-частной модели управления СМИ, с доминантой в пользу государства. Общественное российское телевидение, появившееся в середине 1990-х годов, не стало по-настоящему общественным, т.к. контролировалось частным капиталом. Общественные СМИ как форма существования масс-медиа, способная отражать разнообразные взгляды и мнения, поддерживая их баланс мнений, избегать политических заказов, к сожалению, недостаточно развиты. Особенность современного российского медиапространства заключается в том, что многие из них учреждены и контролируются частным капиталом; СМИ, специализирующиеся на информации социально-политического характера, как правило, находятся под контролем государства.

Такая модель объясняется отсутствием баланса интересов власти, общественности и частного капитала в информационной сфере. В государственных структурах РФ преобладает позиция, что для выполнения важнейшей функции государства – обеспечения политической стабильности – необходимо контролировать СМИ, используя различные механизмы: политические, идеологические, экономические, административные, социальные, культурные и другие.

Представляется, что медийные продукты, созданные представителями СМИ, должны удовлетворять потребности общества и обеспечивать устойчивость социальной системы.

Средства массовой информации Донецкой Народной Республики выполняют общественную функцию связующего звена между государством и общественностью, снабжают общество нужной, достоверной и полной информацией обо всех происходящих в Республике процессах, отображая общественное мнение и обеспечивая конституционное право граждан на доступ к информации. Принципы и нормы журналистской деятельности в Донецкой Народной Республике формируются путем постижения смысла развития национального пути. Реализация государственной информационной политики имеет как политические, так и экономические аспекты, обеспечивающие общественный консенсус и общественную стабильность целенаправленным формированием общественного единомыслия.

Катализатор интенсивного процесса развития медиапространства ДНР – переход к новой модели социального устройства.

Учитывая, что информационная политика является своего рода регулятором большинства сфер жизнедеятельности человека, Республиканские СМИ нацелены на выполнение следующих функций:

- 1) сбор, обработка, хранение и передача аудитории необходимой информации;
- 2) поддержка политической общественной системы;
- 3) просветительская деятельность, настраивающая общество на самоуправление;
- 4) поддержание экономической стабильности с помощью продвижения отечественных товаров и услуг, используя рекламную деятельность;
- 5) обеспечение потребителя развлекательным продуктом.

Информация становится инструментом воздействия на общественность. Информационная политика Донецкой Народной Республики социально ответственная, нацелена на формирование гражданских отношений в обществе и основывается на политическом взаимодействии и паритетных отношениях между властью и обществом.

Средства массовой информации ДНР – это, прежде всего:

- 1) Телевидение, представленное различными телевизионными каналами: «Первый республиканский телеканал», «ОПЛОТ ТВ», «Юнион», «Новороссия ТВ», «Авеста», «Горловка-ТВ», «ТВ-Сфера», «Шахтерская студия телевидения», Торезское телевидение;
- 2) Радиовещание, представленное разнообразными радиостанциями: «Республика», «Столица», «Радио Комета», «Радио ТВ», «Папино радио»;
- 3) Периодическими изданиями: «Голос Республики», «Донецк вечерний», «Кочегарка ДНР», «Знамя Победы», «Новая жизнь», «Наше время», «Родина», «Новые горизонты», «Макеевский рабочий ДНР», «Новая нива», «Дебальцевские вести», «Енакиевский рабочий», «Новый Луч», «Родное Приазовье», «Снежнянские новости», «Торезский горняк», «Ясиноватский вестник ДНР».

Гражданин Донецкой Народной Республики имеет право на получение любой информации, которая не имеет ограниченного доступа. Для этого достаточно сделать запрос в органы власти или конкретным должностным лицам. Кроме того, в Республике регулярно действует официальный сайт ДНР, на котором можно ознакомиться с проверенными сведениями: законодательной базой, официальной информацией, а также новостями Донецкой Народной Республики. Сайт оснащен удобным поиском необходимых данных [10].

Получить актуальные материалы можно также на официальном сайте Главы ДНР Дениса Пушилина (<https://denis-pushilin.ru/>) и страничках в социальных сетях.

Однако альтернативную информацию в ДНР можно получить только через Интернетпространство. Это объясняется субъективными и объективными обстоятельствами. Первые связаны в основном со специфическими представлениями власти о роли СМИ и журналистики. Вторые объясняются тем, что политическая ситуация не позволяет абсолютно транспарентно обмениваться информацией, т.к. «общество не может вынести полную свободу информации» [9, с. 57].

Таким образом, формирования государственной информационной политики в Донецкой Народной Республике проходит в соответствии со всеми нормативными требованиями. В настоящее время уже принят и действует ряд базовых информационных законов: «О средствах массовой информации», «Об информации и информационных технологиях», «О телекоммуникациях», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «Об обращениях граждан».

Однако довольно обширный круг правовых отношений в медийной сфере пока не урегулирован. Например, это касается ответственности за распространение недостоверной информации, непредоставление или сокрытие информации, за использование информации ограниченного доступа и пр.

Следовательно, одной из важных задач является разработка комплексной программы, регулирующей весь комплекс информационных отношений, будет способствовать развитию информационного законодательства, определит состав и структуру специальных законодательных актов и отдельных правовых норм.

Необходимо выделить специфические черты государственной информационной политики:

- удовлетворение общественного интереса к получению информации;
- приоритет национальных программ;
- подготовка специалистов, обладающих знаниями, умениями и навыками в сфере обеспечения информационной безопасности;
- возможность общественной собственности в СМИ;
- общественный контроль деятельности СМИ;
- социальные гарантии гражданам, в том числе на выражение своего мнения в СМИ по самым острым вопросам;
- минимизация манипулятивного влияния на СМИ, связанные с развивающимися технологиями;
- выработка свода профессиональных стандартов, позволяющих отличать журналистику от других смежных профессий;
- выработка критериев оценивания информационного воздействия, имеющего пропагандистский характер;
- освоение представителями СМИ правил безопасности в процессе сбора, обработки и распространения информации;
- абонентская плата – основной источник финансирования общественных СМИ;
- относительная закрытость национального вещательного рынка в целях усиления национально-культурного своеобразия производимой вещательной продукции.

Итак, из двух путей достижения общественного консенсуса и политической стабильности – через общественную дискуссию и диалог между обществом и властью или через одностороннюю коммуникацию и наращивание пропагандистских усилий государства с использованием возможностей СМИ — выбор сделан в пользу последнего. Сложившаяся модель управления деятельностью СМИ это подтверждает.

Следовательно, оптимальной для реализации информационной политики с помощью средств массовой информации в Донецкой Народной Республике является основанная на балансе и согласовании интересов всех субъектов, вовлеченных в информационный процесс, модель регулирования деятельности СМИ, обеспечивающая социальную ответственность власти перед обществом и соблюдение принципов социальной справедливости и свободы слова. Профессиональным медиасообществом Республики должен использоваться инструмент, обеспечивающий диалог власти и общественности для предотвращения острых форм социального конфликта.

Список источников

1. Бурова, Ю. Е. Информационная политика и ее формирование в современных российских условиях / Ю. Е. Бурова, Д. Л. Стровский // Журналистика и массовые коммуникации. – 2014. – № 1. – С. 21–34.
2. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 71-ІНС (действ. ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah> (дата обращения: 16.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Об обращениях граждан: Закон Донецкой Народной Республики от 20.02.2015 № 13-ІНС (действ. ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-ob-obrashheniyah-grazhdan> (дата обращения: 16.01.2021). – Загл. с экрана.
4. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Закон Донецкой Народной Республики от 02.10.2015 № 79-ІНС (действ. ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-zashhite-detej-ot-informatsii-prichinyayushhej-vred-ih-zdorovyu-i-razvitiyu> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.
5. О средствах массовой информации: Закон Донецкой Народной Республики от 29.06.2015 № 59-ІНС (действ. ред. по сост. на 27.12.2019) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii (дата обращения: 12.01.2021). – Загл. с экрана.
6. О телекоммуникациях: Закон Донецкой Народной Республики от 11.03.2016 № 114-ІНС (действ. ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-telekommunikatsiyah> (дата обращения: 12.01.2021). – Загл. с экрана.
7. Ковалева, М. М. Содержание и структура понятия «государственная информационная политика» / М. М. Ковалева // Средства массовой информации в современном мире. – СПб., 2010. – С. 125–126.
8. Конституция Донецкой Народной Республики, принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 14.05.2014 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения: 02.02.2021). – Загл. с экрана.
9. Лозовский, Б. Н. Власть как субъект манипуляции средствами массовой информации / Б. Н. Лозовский // Журналистика и политика: сб. ст. – Екатеринбург, 2004. – С. 55–67.
10. Официальный сайт ДНР [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <https://dnronline.su>
11. Павлов, В. В. Государственная информационная политика как условие обеспечения политической стабильности / В. В. Павлов // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Том 19. – № 3. – С. 107–113.

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

REALIZATION OF CITIZENS' RIGHTS TO INFORMATION

The article is devoted to the study of the peculiarities of the implementation of information policy by the Donetsk People's Republic in the context of global space; analysis of models of media regulation; The determination of factors affecting the regulation of information flows affecting individual, group and mass consciousness.

Keywords: media, media space, informational law, information flows, public broadcasting, regulation of media activities.

Хоруженко Кристина Анатольевна
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: k.khoruzhenko@donnu.ru

Khoruzhenko Khristina
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Process of Donetsk National University
DNR, Donetsk
E-mail: k.khoruzhenko@donnu.ru

УДК 343.1;343.98

Шумаев Д. Г.
Овинникова Р. В.

ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В ПЕРИОД ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследованы тактические особенности допроса сведущих лиц на этапе досудебного расследования. Подчёркнуто, что основным тактическим средством проведения любого допроса является тактический прием. Обобщены принципы проведения допроса эксперта и специалиста. Установлена система тактических приемов допроса судебного эксперта. Доказано, что получению информации относительно обстоятельств, выяснение которых требует применения специальных знаний, способствует допрос специалиста на его рабочем месте.

Ключевые слова: допрос, эксперт, специалист, досудебное расследование, тактический прием.

В Донецкой Народной Республике на конституционном уровне провозглашена наивысшая социальная ценность человека, его жизнь и здоровье, неприкосновенность и безопасность. В контексте необходимости обеспечения общественной безопасности, противодействия современной преступности в условиях ее модернизации – значение приобретает поиск путей оптимизации следственной и судебной деятельности посредством использования специальных знаний на различных стадиях уголовного судопроизводства. В плане эффективного их использования актуальность приобретает разработка теоретических основ привлечения судебных экспертов, а также специалистов в период досудебного расследования. Кроме того, существенная и значимая информация может быть получена в ходе их допроса. Вместе с тем, их процессуальный статус допрашиваемых лиц определяет и специфику данного следственного действия, а также необходимость конкретизации тактики его проведения.

Теоретическая актуальность исследования состоит в необходимости выработки конкретных методических рекомендаций по допросу данной категории лиц.

Практическая актуальность исследования состоит в том, что знание и понимание этих тактических особенностей правоохрнительными органами окажет им помощь при выполнении своих процессуальных функций на досудебном следствии и в борьбе с преступностью, в целом.

Изучению тактических особенностей проведения следственных действий и допроса, в частности, в уголовном судопроизводстве посвящены работы ряда ученых, среди которых Е. А. Белкина, А. М. Ларин, А. М. Моисеев, В. А. Образцов, Т. Н. Радько, М. С. Строгович, В. Ю. Шепитько, С. В. Швеиц, Н. А. Якубович.

Цель статьи формулируем как конкретизацию тактики допроса эксперта и специалиста в период досудебного расследования.

В действующем уголовно-процессуальном кодексе содержится отдельная норма (ст. 217 УПК ДНР), которая закрепляет возможность допроса следователем эксперта в период досудебного расследования, с целью получения разъяснения или дополнения к составленному им заключению. О допросе эксперта составляется протокол [1]. Эффективность проведения такого допроса зависит, прежде всего, от качества разработанных криминалистикой тактических средств его осуществления и целесообразности их применения в каждой конкретной ситуации с целью получения необходимых уточнений (разъяснений или дополнений) заключения судебной экспертизы.

В криминалистической литературе тактике проведения допроса в период досудебного расследования уделялось значительное внимание. Тенденции ее развития связаны с разработкой тактики отдельных видов допроса, о чем свидетельствует большое количество научных публикаций.

В этимологическом значении «тактика» означает способы и приемы достижения определенной цели, линия поведения [2, с. 63]. Тактика следственного действия охватывает весь комплекс тактических средств возможного ее осуществления [3, с. 26], к которому относятся, кроме тактических приемов, еще и тактические рекомендации, а также системы (подсистемы) тактических приемов (тактические комбинации).

Основным тактическим средством проведения любого допроса является тактический прием. Это тот первичный элемент, из которого состоит тактика процессуальной действий [4]. В криминалистической литературе встречаются различные подходы к определению его сущности. Некоторые ученые рассматривают тактический прием как научную рекомендацию [3, с. 7], другие – как способ действия [5, с. 17] или линию поведения [6, с. 221]. На наш взгляд, наиболее обоснованным является такое определение, согласно которому тактический прием – это способ осуществления процессуального действия, направленный на достижение его конкретной цели, основанный на психологическом механизме его реализации, и наиболее рациональный и эффективный в определенных ситуациях [3, с. 37].

Разработка и применение тактических средств допроса судебного эксперта предусматривает обязательный учет требований законности, этичности, научности, избирательности и познавательной ценности [7, с. 23].

Допрос должен отвечать требованиям уголовно-процессуального закона и этическим нормам. Недопустимо принуждать судебного эксперта к предоставлению определенной информации путем применения насилия, угроз и других незаконных мер. Принуждение эксперта к даче ложных данных или заключения или к отказу от дачи объяснений влечет за собой уголовную ответственность [8, с. 120]. Нельзя использовать на допросе ложную информацию, однако возможно оставлять допрашиваемого в неведении относительно ее объема и содержания [9, с. 99].

Этический аспект проведения допроса определяет получение разъяснений заключения судебной экспертизы в официальной форме. Неизменным требованием тактики допроса является активность и инициатива следователя, спокойствие, выдержка

и внимательность [10, с. 12]. Во время проведения следственного действия следователь (дознатель, прокурор) должен быть корректным, внимательным к собеседнику, эмоционально устойчивым, проявлять ситуативную гибкость и чуткость.

Особенности тактики проведения допроса судебного эксперта обуславливаются следующими факторами: 1) процессуальным статусом допрашиваемого лица; 2) установленными законом пределами предмета допроса; 3) связью с ранее проведенной судебной экспертизой; 4) видом судебной экспертизы (первичная или повторная, основная или дополнительная, единоличная или комиссионная, однородная или комплексная), а также ее родом и классом; 5) формой заключения; 6) позицией, которую занимает судебный эксперт; 7) ситуацией допроса.

Судебный эксперт привлекается к уголовному судопроизводству, когда для решения определенных вопросов при производстве по делу нужны научные, технические или другие специальные знания, с целью получения мотивированного заключения судебной экспертизы по таким вопросам. Таким образом, для допроса судебного эксперта свойственно не воспроизведение событий прошлого, что характерно для допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых и других лиц, а четкая направленность его содержания – уточнения (разъяснения или дополнения) результата проведенного им исследования, сделанного на основании специальных знаний, которыми он владеет. То есть информация, которой обладает сведущее лицо, не является ретроспективной как у свидетеля, а непосредственно связана с применением специальных знаний для расследования конкретного происшествия. Кроме того, судебный эксперт является незаинтересованным лицом в результатах разрешения уголовного производства (дела), что находит свое отражение в его выводах и разъяснениях. Такая специфика имеет большое значение для определения тактики допроса этих лиц.

Допрос судебного эксперта начинается с выяснения сведений анкетного характера и разъяснения прав и обязанностей допрашиваемому. Спецификой такого допроса является отсутствие в нем такого этапа, как свободный рассказ. Обстоятельства, которые следователь намерен выяснить, устанавливаются непосредственно путем постановки соответствующих вопросов. В связи с этим некоторые авторы отмечают, что судебный эксперт лишен возможности адаптироваться к обстановке допроса, а поэтому обстановка, которая складывается для него, в большинстве случаев характеризуется эмоциональной напряженностью [3, с. 292]. Такое мнение вызывает возражения. С точки зрения психологии предоставление допрашиваемому лицу возможности свободного рассказа исключает суггестивные воздействия со стороны следователя и негативное проявление ретроактивного и проактивного торможения, облегчает течение ассоциативных процессов, содействует проявлению реминисценции [11, с. 189], что является характерным для допроса свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подсудимых. Однако допрос судебного эксперта является специфическим видом допроса, во время которого обе стороны, и следователь, и судебный эксперт, находятся при исполнении своих обязанностей, понимают значение своих действий и ответственность за их неисполнение (или ненадлежащее исполнение), а также принимают необходимость сотрудничества. То есть предоставление судебным экспертом разъяснений и

дополнений к выводу является элементом его процессуального положения. Поэтому, по нашему мнению, утверждение о невозможности адаптации судебного эксперта к обстановке допроса является некорректным. Кроме того, действия следователя, которые предшествуют получению информации от судебного эксперта, имеют свою задачу: они вводят допрашиваемое лицо в процесс официально-ролевого общения [11, с. 187], настраивают на коммуникацию. Особенно первые его фразы, их содержание и эмоциональное наполнение способствуют предотвращению негативного отношения судебного эксперта к допросу или к лицу, осуществляющему допрос. Поэтому начинать допрос с критики полученного следователем заключения судебной экспертизы нецелесообразно. Как справедливо отмечает психолог Дейл Карнеги, критика ставит человека в позицию обороны и опасна тем, что наносит удар по самолюбию человека, оскорбляет чувство его собственной значимости и вызывает обиду [12, с. 20], что является нежелательным во время любого допроса. Таким образом, основными принципами допроса судебного эксперта должно быть соблюдение этических правил общения, тактичность, вежливость следователя и уважение к собеседнику.

Тактические средства, направленные на достижение целей, определяемы конкретной ситуацией допроса, а оценка ситуации обуславливает выбор и применение систем тактических приемов при производстве данного следственного действия [6, с. 14]. Поэтому важное значение приобретает определение возможных ситуаций допроса судебного эксперта.

В ходе допроса возможно возникновение двух уровней психологического контакта: а) когда допрашиваемый желает давать показания; б) когда его принуждают к этому [3, с. 288]. Таким образом, возможны две ситуации допроса: конфликтная и бесконфликтная. Учитывая специфику допроса судебного эксперта, необходимо отметить, что использование традиционного понятия «конфликтной» («бесконфликтной») ситуации, на наш взгляд, требует определенных уточнений. Так, конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) означает столкновение противоположных интересов, мнений, взглядов; серьезные разногласия; острый спор. Это также противоречия между личностью и внешними обстоятельствами или окружающими людьми [13, с. 570]. Важное значение для наличия конфликтной или бесконфликтной ситуации допроса имеет интерес, который присутствует у его участников. Судебный эксперт является незаинтересованным лицом в решении дела. Его участие обусловлено выполнением профессиональных обязанностей, добросовестное выполнение которых способствует эффективному проведению расследования и установлению истины. Предоставление судебным экспертом ложного заключения и/или ложных разъяснений или дополнений, отказ от их предоставления (полный или частичный) препятствуют достижению указанных целей в уголовном судопроизводстве. Впрочем, такой отказ может быть и правомерным – когда следователь или другое лицо, которое проводит допрос, выходят за пределы предмета допроса. Возможна также ситуация, когда судебный эксперт в своем заключении допустил ошибку, которая не является преднамеренной (добросовестная ошибка), однако на допросе продолжает придерживаться ранее предоставленной в заключении информации, например, не желая потерять профессиональный авторитет. Таким образом, на наш взгляд, ситуации

допроса судебного эксперта могут быть разделены на ситуации «содействие» и «противодействие».

Допрос судебного эксперта характеризуется тем, что интересы следователя по получению необходимых данных и интересы судебного эксперта по выполнению им своих профессиональных обязанностей не противоречат друг другу, а потому такое следственное действие проходит в большинстве случаев в атмосфере бесконфликтности, то есть в условиях активного содействия судебным экспертом расследованию. Такой допрос представляет собой взаимодействие следователя и судебного эксперта, во время которой обе стороны выполняют свои профессиональные обязанности и реализуют права. Кроме того, они понимают важность их сотрудничества, а также его значение. Для судебного эксперта предоставление разъяснений заключения судебной экспертизы является не только процессуальной обязанностью, но и частью его профессиональной деятельности. В таких случаях основной тактической задачей является сохранение бесконфликтного характера отношений и оказание посильной помощи другой стороне в выполнении указанных действий [14, с. 610].

Вопросы, которые ставятся судебному эксперту, должны отвечать следующим основным требованиям:

- 1) не выходить за пределы предмета проведенного им исследования;
- 2) ограничиваться ранее исследованными обстоятельствами дела (например, при допросе эксперта, который проводил судебно-психологическую экспертизу, ему не могут быть поставлены вопросы, касающиеся сведений, полученных им от лица, в отношении которого эта экспертиза осуществлялась;
- 3) не выходить за пределы специальных знаний судебного эксперта;
- 4) не иметь правового характера (например, недопустимо формулировать вопросы судебному эксперту о том, что совершено убийство или самоубийство);
- 5) должны быть определенными, конкретными и по возможности краткими;
- 6) иметь логическую и хронологическую последовательность [15, с. 239].

Основной целью применения вопросной формы выражения в процессе допроса судебного эксперта является направление мыслительной деятельности допрашиваемого в необходимом направлении, а именно на уточнение (разъяснение или дополнение) определенных данных, приведенных в ранее предоставленном заключении судебной экспертизы.

Таким образом, система тактических приемов, направленная на диагностику или выяснение правдивости предоставленных судебным экспертом уточнений (разъяснений или дополнений) заключения судебной экспертизы, включает:

- 1) постановку уточняющих вопросов;
- 2) предъявление (оглашение) заключения, предоставленного судебным экспертом;
- 3) предъявление (оглашение) заключения, предоставленного другими экспертами;
- 4) предъявление информационных источников;
- 5) оглашение информации, полученной от других судебных экспертов;
- 6) использование источников наглядной информации;
- 7) предъявление других материалов уголовного производства;

8) оглашение фрагментов показаний других лиц (касающихся проведения судебной экспертизы);

9) предъявление (оглашение) отдельных положений заключения, требующих детализации;

10) допрос судебного эксперта в экспертном учреждении;

11) разъяснения положений закона.

Допрос специалиста является наименее исследованной формой использования специальных знаний сведущих лиц. В подавляющем большинстве такое процессуальное действие рассматривается в работах ученых зарубежных стран, хотя в последнее время на нее обращается внимание и в отечественной литературе [6, с. 16]. Эта ситуация обусловлена следующими факторами:

1) незакрепление процессуальной регламентации такого допроса, что выражается отсутствием отдельной статьи в УПК (в отличие от допроса эксперта), которая бы регламентировала порядок и основания такого допроса;

2) наличие проблемы определения места специалиста среди сведущих лиц и его функций;

3) существование процессуальной и непроцессуальной форм привлечения специалиста;

4) невозможность предоставления исчерпывающего перечня таких сведущих лиц;

5) трудности в подтверждении компетентности специалиста для предоставления ответов на определенные вопросы;

6) традиционность подхода к допросу специалиста в качестве свидетеля и др. Кроме того, необходимо отметить, что ученые, в основном, обращают внимание на процессуальные аспекты участия специалиста в процессуальных действиях, оставляя без внимания возможности использования средств криминалистической тактики с целью эффективного производства допроса и получения необходимой информации от этих лиц.

Эффективность проведения любого процессуального действия обуславливается рациональным использованием средств криминалистической тактики, направленных на достижение необходимого результата.

Специалист является лицом, не заинтересованным в результатах исхода, что находит свое отражение в его выводах и разъяснениях. В отличие от судебного эксперта, во время допроса которого вопросы не должны выходить за пределы предмета проводимой им судебной экспертизы, специалист может быть допрошен относительно более широкого спектра обстоятельств расследуемого события. Необходимо обратить внимание на то, что принципиальным отличием специалиста от судебного эксперта является то, что он может быть привлечен для оказания помощи при отсутствии требования о получении его заключения, то есть при отсутствии заключения специалиста [17, с. 36]. Такая специфика имеет большое значение для определения тактики допроса указанных лиц.

Каждая следственная ситуация активно влияет на выбор тактических средств и систем действий для достижения определенных целей. Можно хорошо усвоить рекомендации криминалистики, понять целевую установку их формирования и др.,

однако использование этих рекомендаций без учета ситуации может привести к нулевому, если не к отрицательному результату [18, с. 25].

Ситуации допроса специалиста могут быть распределены в зависимости от роли специалиста во время досудебного расследования или во время судебного разбирательства относительно определенного уголовного производства:

1) когда специалист принимал участие в проведении следственного (судебного) действия;

2) в случае предоставления специалистом заключения по определенным вопросам (справки, акта);

3) в случае необходимости в получении сведений об обстоятельствах, выяснение которых требует использования специальных знаний.

Кроме того, каждая из этих ситуаций может быть разделена в зависимости от позиции, которую занимает специалист, на следующие подгруппы:

1) отказ специалиста от предоставления необходимой информации;

2) предоставление ложной информации;

3) утаивание определенной информации;

4) уклонение от предоставления определенной информации;

5) предоставление информации, содержащей элементы добросовестной ошибки.

Таким образом, систему тактических приемов допроса специалиста можно распределить на блоки, в зависимости от направлений взаимодействия его участников:

1) содействие в получении необходимой информации о проведенном следственном (судебном) действии, в котором принимал участие специалист;

2) содействие получению объяснений относительно предоставленного специалистом заключения;

3) содействие в получении информации относительно обстоятельств, выяснение которых требует применения специальных знаний.

Для допроса специалиста, участвовавшего в процессуальных действиях, характерно то, что допрашиваемый располагает определенными сведениями, объем которых обуславливается информационной сущностью конкретного процессуального действия [10, с. 12].

Допрос специалиста, как и судебного эксперта, целесообразно проводить в форме постановки вопросов допрашиваемому. Предмет допроса специалиста имеет определенные ограничения, которые характерны для той области знаний, в которой специалист является компетентным. Таким образом, вопросы специалисту также должны относиться к его компетенции. В противном случае предоставленная им информация не будет иметь доказательственного значения. Особое внимание необходимо обращать на близкие области (например, бухгалтерский учет, налоговое законодательство и т. п.), которые, хотя и имеют определенное сходство, однако не являются тождественными.

Вопросы, которые ставятся специалисту, должны отвечать следующим основным требованиям:

1) не должны выходить за пределы его компетенции;

2) ограничиваются предметом его допроса;

3) не должны содержать элементов внушения;

4) не должны иметь правового характера (например, недопустимо формулировать вопрос специалисту о квалификации преступления);

5) должны быть определенными, конкретными и по возможности краткими;

6) иметь логическую и хронологическую последовательность.

Тактика допроса специалиста, как и эксперта должна соответствовать требованиям уголовного процессуального закона, а также этическим нормам. Главным средством криминалистической тактики допроса специалиста является постановка различных видов вопросов. Однако этим возможности применения средств криминалистической тактики не ограничиваются. Эффективным тактическим приемом во время допроса специалиста, участвовавшего в проведении процессуального действия, является предъявление или оглашение материалов уголовного производства, демонстрация доказательств.

Отметим, что средства криминалистической тактики, направленные на эффективность проведения допроса специалиста, тесно связаны с процессуальным положением допрашиваемого. Специалист привлекается к уголовному судопроизводству, когда для решения определенных вопросов при производстве по делу нужны научные, технические или другие специальные знания. Кроме того, в некоторых случаях законодательством установлено обязательное участие специалиста в проведении процессуальных действий [1].

Таким образом, для допроса специалиста, как и судебного эксперта, свойственно не воспроизведение событий прошлого, характерное для допроса других лиц, а предоставление разъяснений относительно специальных вопросов, относящихся к их компетенции. То есть информация, которой владеет сведущее лицо, непосредственно связана с применением специальных знаний.

Получению информации относительно обстоятельств, выяснение которых требует применения специальных знаний, способствует использование такого тактического приема, как допрос специалиста на его рабочем месте (например, в мастерской, офисе, специализированном учреждении). Этот прием может быть рекомендован в случаях, когда есть необходимость в получении информации для выяснения сущности и механизма определенного технологического процесса, производства, порядка осуществления определенных действий и тому подобное.

Система тактических приемов допроса специалиста, направленная на содействие получению информации относительно обстоятельств, выяснение которых требует использования специальных знаний, может включать:

1) постановку различных видов вопросов;

2) допрос специалиста на рабочем месте;

3) предъявление материалов уголовного дела (протоколов следственных действий, актов, справок, документов и т. п.);

4) демонстрацию материалов уголовного дела (протоколов следственных действий, актов, справок, документов и тому подобное);

5) предъявление (оглашение) протоколов следственных (судебных) действий;

6) оглашение фрагментов показаний других лиц;

7) использование наглядной информации;

8) предъявление информационных источников (инструкций, постановлений, положений и т. п.).

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики: принят Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 г. № 240-ІНС / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения 29.12.2020 г.). – Загл. с экрана.
2. Давлетшина, Л. С. О предмете допроса специалиста / Л. С. Давлетшина // Труды академии МВД Республики Таджикистан. – 2015. – № 3(27). – С. 63–66.
3. Шепітько, В. Ю. Криміналістична тактика: системно-структурний аналіз: монографія / В. Ю. Шепітько. – Харків : Харків юрид., 2007. – 431 с.
4. Михайлова, Е. А. О целесообразности замены допроса эксперта назначением дополнительных и повторных экспертиз / Е. А. Михайлова, В. И. Внуков // Проблемные аспекты правоохранительной деятельности и пути их решения: сборник тезисов и статей. – Волгоград, 2018. – Издательство: ООО «Перископ-Волга». – С. 209–210.
5. Духно, Н. А. Теоретические и практические проблемы участия специалиста в уголовном процессе: монография / Н. А. Духно, С. Н. Еремин, Ю. Г. Корухов. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2005. – 175 с.
6. Гришина, Е. П. Сведующие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / Е. П. Гришина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 272 с.
7. Вареникова, С. П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние / С. П. Вареникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № (50). – С. 23.
8. Рябов, К. И. Допрос эксперта в уголовном судопроизводстве / К. И. Рябов // Общественные и экономические науки. Студенческий научный форум: сборник статей по материалам XIV студенческой международной научно-практической конференции. – М.: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2019. – С. 119–122.
9. Тишкин, К. В. Основные признаки, характеризующие специальные знания в уголовном судопроизводстве / К. В. Тишкин // Алтайский юридический вестник. – Издательство: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Барнаул). – 2015. – № 2(10). – С. 98–99.
10. Нестеров, А. В. О соотношении понятий специальных знаний и познаний эксперта / А. В. Нестеров // Эксперт–криминалист. – М.: Юрист, 2010. – № 1. – С. 11–13.
11. Шепітько, В. Ю. Криміналістика : підруч. для студ. вищ. навч. закл. / В. Ю. Шепітько. – К.: Ін Юре, 2010. – 496 с.
12. Заславский, Г. И. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве: правовые, организационные и методические аспекты: монография / Г. И. Заславский, И. Е. Лобан, В. Л. Попов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 467 с.
13. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с.
14. Гусев, А. В. Теоретические основы внеэкспертного механизма реализации специальных познаний в криминалистике / А. В. Гусев // Криміналістика ХХІ століття : матеріали наук.-практ. конф., 25-26 листоп. 2010 р. – Х.: Право, 2010. – С. 609–613.
15. Щербаковський, М. Г. Призначення та проведення судових експертиз / М. Г. Щербаковський. – Х.: Фактор, 2011. – 400 с.

16. Вільгушинський, М. Й. Тактика судового слідства в системі криміналістики : монографія / М. Й. Вільгушинський. – Х.: Право, 2010. – 196 с.
17. Зуев, Е. И. Роль специалистов в расследовании преступлений / Е. И. Зуев // Криминалистика на службе следствия. – Вильнюс, 1967. – С. 36–37.
18. Вольская, М. В. Процессуальные особенности допроса специалиста в уголовном судопроизводстве / М. В. / Современность в творчестве талантливой молодежи: материалы научно-практической конференции молодых учёных. – Иркутск, 2015. – Издательство: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – С. 24–28.

Поступила в редакцию 25.02.2021 г.

INTERROGATION TACTICS OF EXPERT AND SPECIALIST DURING PRE-TRIAL INVESTIGATION PERIOD

The article examines the tactical features of interrogation of knowledgeable people at the stage of pre-trial investigation. It has been emphasized that the main tactical means of conducting any interrogation is a tactical technique. The principles of conducting the interrogation of an expert and a specialist have been generalized. The system of tactical techniques for interrogation of a forensic expert has been established. It has been proven that the interrogation of a specialist at their workplace contributes to obtaining information regarding the circumstances, the clarification of which requires the use of special knowledge.

Keywords: interrogation, expert, specialist, pre-trial investigation, tactical technique.

Шумаев Дмитрий Геннадиевич

Старший преподаватель кафедры
криминалистики ГОУ ВПО «Донбасская
юридическая академия»
ДНР, г. Донецк
E-mail: dimasik.gov@mail.ru

Shumaev Dmitrii

Senior Lecturer, Department of Criminalistics
of Donbass Law Academy
DPR, Donetsk
E-mail: dimasik.gov@mail.ru

Овинникова Раиса Витальевна

Старший преподаватель кафедры теории и
истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

Ovinnikova Raisa

Senior Lecturer, Department of Theory and
History of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: rayaovinnikova@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

– НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

– Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных

источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2021. – № 2

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 28.05.2021 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 12,13.

Тираж 100 экз. Заказ. №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.